ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
Год издания 35-й

26 октября 1963 г., суббота
№ 129 (4716) Цена 4 коп.

Да здравствует коммунизм, утверждающий на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов!

(Из Призывов ЦК КПСС к 46-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции)

250 Саят-Нова 250

СЛОВО О ВЕЛИКОМ

Николай ТИХОНОВ

КОГДА голос старинного поэта доходит сквозь толщу столетий, он доносит до нас весть о странах и людях, о забытых ныне событиях, о страстях и мучениях, о деспотах и жертвах. Мы слушаем поэта как свидетеля, как судью своего времени, но для нас особое значение имеет то, что сказано им как человеком, чувствовавшим силу слова и веру в свое призвание.

Раскрывая книгу Саят-Новы, читаем строки, полные достоинства, глубокого смысла и поэтической силы:

Не всем мой ключ гремучий пить:
особый вкус ручьев моих!
Не всем мои писанья чтить:
особый смысл у слов моих!
Не верь: меня легко свалить!
гранитна твердь основ моих!

Превратны судьбы его страны, трагичны дни, пережитые поэтом, и то, что до нас дошли его стихи, похоже на чудо. Если они не сгорели в пожарах, не пропали в нашествиях врагов, не были потеряны в бурных дорогах, — это значит, что у них нашлись поклонники, нашлись ценители и знатоки, которые взяли на себя труд передавать их из поколения в поколение и донести до наших дней.

Из поэтического наследия Саят-Новы очень многое погибло. Но даже то, что осталось, — творения могучего поэта.

Творчество Саят-Новы отделено от нас такими широкими просторами времени, что не так легко представить его жизненный путь и обстоятельства той эпохи.

Но сейчас уже многое ясно. И самое главное — стихи мирового ашуга не только звучат в родном Закавказье, но перешли его границы, и во всем мире известно имя поэта.

Саят-Нова когда-то справедливо сказал:

Что мне помнить о минувшем!
Новых берегов ищу.
Мир усопшим! Тех, кто ныне
мне внимать готов, — ищу.

ПОМИМО творчества поэта, меня всегда интересуют его облик, подробности его жизни, счастливые и мрачные его дни. Не всегда возможно это узнать. Как мы не знаем точного дня рождения поэта, так мы не знаем и точного дня его смерти. Но сами его стихи говорят о том, что было в жизни поэта. Да, он был в Армении, Азербайджане, Грузии, Иране, Индии, Эфиопии.

Мы можем дополнить воображением его путь сквозь годы и страны. Это тяжелый путь, но картинный и поэтический. Огромные полчища Надира движутся через горные проходы к великой индийской столице. За спиной Надира, во многих иранских провинциях — голод. Казна пуста. Впереди — богатства моголов, храмы и дворцы, переполненные сокровищами. Кровавая бойня при Карнале, и во главе победоносных войск в Дели вступает Надир-шах.

Среди его воинов — поэт Саят-Нова. Сколько видел ашуг при этом баснословном походе! Какие краски, какие чувства, какие воспоминания! Сколько он встретил поэтов и певцов, мудрецов и ученых!

После Ирана, Индии ветер странствий заносит его в страну черных христиан, и мы видим поэта уже идущим в процессии где-нибудь в Анкобере, где за крестом следуют барабанщики, и знатные лица и простые люди справляют праздник, посвященный новым посевам, после трехмесячного периода дождей. Над вельможами и духовными лицами несут серебряные зонтики. И поэт видит незнакомые голубые горы и тростниковые хижины — там по вечерам поются грустные любовные песни...

Мы видим Саят-Нову при дворе грузинского царя. Ираклий был покровителем поэзии, любил пышность и театральность, и Саят-Нова, по-видимому, производил на него большое впечатление. Как произошел новый поворот судьбы, мы точно не знаем, но вот уже блестящий поэт облачается в темную рясу, и вместо человека в роскошном костюме придворного ашуга перед нами провинциальный священник, даже сменивший имя. Тер-Степанос не забывает стихов, но они полны уже мрачного свидетельствования о царском гневе и немилости. Последнее стихотворение пишет он, приняв монашеский сан, в Ахпатском монастыре, в Санаине. И оттуда, из Санаина, приезжает в Тбилиси, некогда бывший мирным домом его песен и пиров, страстей и веселья, и тут падает у церкви под ударами равнодушных убийц кровавого Ага-Махмуд-хана, чьи орды взяли штурмом столицу Грузии.

Можно написать большой роман о жизни Саят-Новы, и этот богатый характер предстанет во всей щедрости сил, отпущенных ему природой...

Тогда было время ашугов. И ашугом ашугов был Саят-Нова. Он был велик необычайным лирическим своим талантом. Непревзойденный мастер стиха, блещущего всеми красотами образности, музыкального, удивительного, виртуозности небывалой. Он мог писать так, что одна строка в стихотворении была на грузинском, другая — на азербайджанском, третья — на армянском. И это соединение жило цельной поэтической жизнью.

Его не мог бы победить ни один ашуг тогдашнего Востока. Он вложил в свой стих многочисленные достижения поэзии всех стран, которые он видел, и языки этих стран не были ему чужды. Кроме армянского, азербайджанского, грузинского, он говорил и по-ирански, и по-арабски. Он обладал удивительными способностями. Его поиски новых средств изобразительного и насыщенного звукописью до предела стиха до сих пор вызывают восторженное удивление знатоков.

Он перешел как неповторимый народный ашуг в ряд мировых поэтов.

Его многоязычное творчество сегодня является символом единения и дружеского сотрудничества поэтов Армении, Грузии, Азербайджана. Он еще в далекие времена провозгласил дружбу этих народов.

Саят-Нова в своей страстной, украшенной всеми принятыми тогда украшениями лирике, где многое цветисто и условно, оставался человеком больших невымышленных чувств, воспевая человеческую красоту и думая о человеке высших устремлений, неподвластном шахским и царским капризам.

И в рясе монаха певец не раскаивался в том призвании, которому он был верен всю долгую жизнь. Он писал стихи в темной келье. В тот жестокий век господства грубой силы песнь торжествующей и несчастной любви, которую он неутомимо слагал, должна была производить большое впечатление на всех, кто понимал и чувствовал, что в стихах ашуга чарующе живут добрые, чистые, сильные стремления, которые делают людей лучше, чем они есть. А звучность колдовских поэтических строк должна была поражать и простых людей, и царей.

От их царств остались только хроники и безмолвные памятники старины, а от Надир-шаха еще и страшные пирамиды, увековеченные художниками, — пирамиды из человеческих голов.

А вдохновенный стих славного Саят-Новы созвучен народам, сбросившим путы и цепи прошлого, и праздником народа является день рождения великого ашуга!

Голос, дошедший до нас, звенит, и гремучим ключом кипят драгоценные поэтические строки Саят-Новы!

Саят-Нова.
Портрет работы художника Р. Рухиана

Н. С. ХРУЩЕВ ПРИНЯЛ УЧАСТНИКОВ ВСЕМИРНОЙ ВСТРЕЧИ ЖУРНАЛИСТОВ

Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев 25 октября принял большую группу участников Третьей всемирной встречи журналистов, ответил на их многочисленные вопросы.

Пресс-конференция прошла в исключительно теплой и дружественной обстановке.

ЩЕДРОСТЬ УЗБЕКИСТАНА

«НАША признательность, наша горячая любовь к вам, дорогие русские друзья и братья, будут сопутствовать вам всегда и всюду. В нашей республике везде ждут вас крепкие объятия и жаркие рукопожатия искренних друзей, везде вы услышите идущие от самого сердца слова: «Добро пожаловать!»—сказал на торжественном открытии декады, состоявшемся 24 октября в Государственном академическом театре оперы и балета имени Алишера Навои кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов. В своей речи Ш. Р. Рашидов говорил о торжестве ленинской национальной политики, о Коммунистической партии, связывающей народы нашей страны неразрывными узами дружбы и братства.

На открытии декады присутствовали председатель Среднеазиатского бюро ЦК КПСС В. Г. Ломоносов, первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана Д. Расулов, первый секретарь ЦК Компартии Туркмении Б. Овезов, председатель Совета Министров Узбекской ССР Р. Курбанов, первый секретарь Чимкентского сельского обкома Компартии Казахстана В. А. Ливенцов и др.

От имени писателей России, приехавших в Узбекистан, выступил секретарь правления Союза писателей СССР Николай Грибачев. «Русская литература со времен Пушкина и более древняя узбекская литература, начиная с Алишера Навои, — говорил он,— создали ценности мирового значения, а русская советская литература и узбекская советская литература внесли свой непреходящего значения вклад в развитие социализма, в социалистическую культуру... Наши литературы располагают огромным количеством талантов, в том числе молодых, неисчерпаемыми резервами творческой энергии. Именно это чрезвычайно важное обстоятельство и подтвердит декада...»

Первые дни декады—напряженные, рабочие. И вместе с тем это дни, согретые радостью встреч, теплом улыбок, рукопожатий. Состоялись многолюдные встречи Н. Грибачева, В. Смирнова, С. Васильева с читателями в одном из книжных магазинов города, а в Государственной публичной библиотеке перед большой читательской аудиторией выступили С. Бабаевский, С. Викулов, Р. Казакова, С. Липкин, С. Орлов, Р. Рождественский. Побывали писатели на заводе «Ташсельмаш», на текстильном комбинате и на многих других предприятиях города.

По-праздничному ярки страницы сегодняшних газет и журналов республики. Содержательны их выступления, рассказывающие о дружбе народов Советского Союза, о братстве русской и узбекской культур.

...Декада продолжается. И каждый ее день приносит много нового — много новых встреч, новых выступлений, новых событий.

А. АЛИМЖАНОВ,
В. ОСКОЦКИЙ

ТАШКЕНТ
(Наши спец. корр.)

ЖИЗНЬ, ПОЭЗИЯ, ЛЮБОВЬ

Сурен ГАЙСАРЬЯН

«ХУДОЖНИКИ со всей вселенной пускай сберутся вкруг меня», — восклицает Саят-Нова в одном из своих стихотворений, приглашая всех ознакомиться с его искусством. При этом мир своей поэзии он образно представляет в виде сокровищницы драгоценностей, где все сверкает, переливается, благоухает.

Здесь же поэт выражает желание, чтобы индийский резчик рассмотрел «узоры, тонкость оценя». И в то же время лукаво замечает, что ни в чем он не смог «сойтись с оценщиком в цене». Ноша его поэзии ему представляется столь тяжелой, что и слону не унести на спине. И он же говорит, что одновременно его искусство столь нежно, невесомо, невещественно, что может улетучиться, растаять, как «снега груда» в зной. Словно боясь, что эти ценности расхитят или ложно истолкуют, Саят-Нова сам готов вскрыть свои сокровенные богатства ларец за ларцом. Он говорит: «вам покажу, о чем пою», и далее — «себя вам в жертву отдаю». Так же как Владимир Маяковский («Я сам расскажу о времени и о себе»). Отвлекаясь на минуту от оболочки образной символики, естественно, ни в чем не схожей, мы с удивлением замечаем совпадение поэтических жестов двух разных новаторов разных эпох.

Если учесть, что созданное Саят-Новой относится к двадцатилетию между 1740—1760 годами, то нельзя не признать, что и творения его, и эстетические принципы, проводимые им в жизнь с чрезвычайной тщательностью и последовательностью, представляются во многом уникальными. Стихи его еще ждут как равноценных переводов, так и подлинно научного истолкования. Эстетические взгляды Саят-Новы имеют не только историко-литературное значение, они дают материал для важных обобщений в области поэтики, могут служить значительным подспорьем в разработке художественных принципов подлинной народности искусства.

Сердцевину взглядов Саят-Новы на поэзию составляет убеждение, что поэт — вдохновенный соловей — слуга народа. «Ступай, служи со вкусом, слуга народа, Саят-Нова», — читаем мы у него в подлиннике. К сожалению, эту строку, приводимую мною дословно, Валерий Брюсов, так плодотворно потрудившийся в деле перевода, перевел с досадной неточностью. У него она не звучит с присущей подлиннику определенностью. «Угодливо, народный раб, служить ступай, Саят-Нова!» — так перевел Брюсов. Между тем слова «угодливо» и «народный раб» не соответствуют ни букве, ни духу оригинала. В том же стихотворении мы встречаемся с образным уподоблением «столяр Саят-Нова», которым поэт подчеркивает воспитательную роль поэзии,— она выпрямляет, облагораживает сердца людей (это уподобление также упущено Брюсовым).

Помня о своем долге народного учителя, поэт предостерегает себя: «Тебе всечасно люди глядят в уста...» Высокое, возвышающее назначение поэзии находит выражение и в других характерных словах: «И пусть подносят желчь тебе, ты сахар дай, Саят-Нова!». Творчески перерабатывая материал жизни, художник ни на минуту не должен забывать о своей обязанности приносить читателям, слушателям эстетическое наслаждение. Как бы ни была горька для него жизнь, он обязан дать народу сладость напева, — такова мысль поэта. Замечу кстати, что эту важную сторону творчества полностью игнорируют в наши дни художники-себялюбцы, увлеченные натуралистическими и «модернистскими» веяниями.

Во многих местах у Саят-Новы мы встречаемся с глубокоуважительным, всегда заботливым отношением к народу, к многочисленным слушателям своим. Он говорит: «народу жизнь я отдал», «себя не жаль мне, жаль народ», с гордостью замечает, что ему «народ пиры умножит», прямо заявляет: «я тот, кто чтит судьбою обойденных». И еще более уточняет свою мысль: «весь рой господ мне стал не мил».

Народная основа творчества Саят-Новы с особенной ясностью выражена в прогремевшем в веках нелицеприятном споре поэта с царем Ираклием II и другими властителями тех лет.

Глубокое осознание общественной роли певца — учителя народа вселяет в Саят-Нову чувство уверенности, готовит его к открытой, пусть и неравной борьбе с власть имущими. Он говорит: «Ашуг, ты то же, что лихой стрелок». И далее: «Ты устоишь, твой ум везде останется самим собой; Саят-Нова, вещай свое...»

Снова и снова он подчеркивает в стихах, завидных своей человеческой полновесностью, творческую самостоятельность народного певца. «Так жить хочу, чтоб каждым днем обязан был я лишь себе...» — говорит он, защищая все, что добыто усилиями неугомонной своей души.

САЯТ-НОВА жил и творил в условиях духовной заскорузлости феодального уклада, уже тронутого распадом под влиянием пробивавшихся новых общественных отношений. Пристально вглядываясь в толщу жизни сквозь все навязчивые наслоения официальной идеологии тех далеких лет, сглаживавшей и стиравшей социальные контрасты и противоречия, поэт восклицает: «Добро и зло, мой боже, разъединя! От деспота лихого — оборони!». Он прозорливо подмечает, что действительность далеко не по-христиански безмятежна и благочестива, елейно-утешительна и спокойна. Он видит воочию: «Этот — взял золотник, а вон тот — взял батман (полпуда). Здесь различные судьбы раскинули стан». Разорванная действительность предстает перед ним в разящих противоположностях, в истинном виде: «Этот — в розах, а тот — меж колючих ветвей... Этот — в полном достатке, тот — нищ, словно мышь...».

Трагично время, в которое жил Саят-Нова, трагична и его жизнь. Она вся — в его поэзии. От восприятия действительности как праздника бытия до восприятия мира как узкого окна, в которое взглянув, получишь раны, — таков диапазон мироощущения поэта.

С огромной силой утверждая могущество поэтического слова, с радостью заявляя, что «песен звук ценней всего... ценней он всех удач», поэт, с другой стороны, с горечью признает: «невыносимым стал мне песенный мой дар». То кажется ему, что «тьма перед мыслью впереди, лишь пение — со мной оно», то и в песне он не находит утешения. Поэт, так ценивший свой дар, свое искусство, ныне восклицает безразлично: «Саят-Новы стихотворенья — кому нужны? — Теперь любой созвучья в ряд положит».

В другом месте Саят-Нова замечает: «Тружусь, а все веселье — чужим пойдет». Эти слова нельзя понимать буквально, будто поэт, считавший служение народу своим долгом, здесь усомнился в приложении своих творческих сил. Нет, мысль Саят-Новы иная, она поясняется его размышлениями над судьбой певцов любви: «Много их в мир приходило и ушло... Все ушли, любовных слов не дождались». Сам он тоже не дождался этих слов. Об этом его безмерная скорбь. Неутоленная всеохватывающая любовь — вот главная причина душевных страданий поэта.

ЛЮБОВЬ... Только в плохих критических и литературоведческих работах любовная тема толкуется как нечто незначительное, второсортное, узко личное, как некая дань поэтической причуде, вольности. Ложные и раздражающие своей тупой прямолинейностью, взгляды эти не изжиты до сих пор. Любовь — наиболее комплексное, сложное и в то же время цельное человеческое чувство. По характеру его можно судить об общественном самочувствии индивидуума, о всех его чувствованиях. Для Саят-Новы Любовь, Поэзия и

(Окончание на 3-й стр.)

ПРИГОВОР

Лев ГИНЗБУРГ

*** Процесс в Краснодаре закончен * Изменники получили по заслугам * Настигнет возмездие и их фашистских хозяев!**

В ДНИ краснодарского процесса, глядя на обвиняемых, прислушиваясь к разговорам, к репликам, раздававшимся в зале суда, я иногда задумывался над вопросом, который, возможно, покажется странным. Почему, спрашивал я себя, время — два десятилетия! — не явилось «амортизатором», не притупило остроту восприятия страшных и все-таки давно известных фактов? Ведь все, о чем рассказывали подсудимые (практика фашистских зверств, методика злодеяний), не содержало в себе ничего неожиданного или не слыханного до начала процесса. И тем не менее каждый раз, когда выяснялись детали того или иного эпизода, зал цепенел от ужаса, а затем обрушивал на преступников вздох, тяжелый, как удар кувалды.

То и дело в зале возникал глухой рокот гнева, который накатывался на скамью подсудимых. Девять предателей словно заново вернулись в свою преступную, ими самими растоптанную молодость... Время для них остановилось: их возвратили в сорок второй год, в сорок третий и заставили — шаг за шагом — вспомнить этапы своего позорного пути.

Вот один из уроков, которые преподносит возмездие: оно по-своему распоряжается временем и заставляет действовать память...

И все же бурная реакция зала объяснялась не только этим. В ней сказывалось присущее народу отвращение к зверствам фашизма, острая ненависть к предательству. Это естественное и здоровое чувство было тем нравственным барьером, который отделял зал краснодарского Дома офицеров от девяти отщепенцев, оно не оставляло места для жалости и снисхождения.

Как-то в перерыве ко мне подсела немолодая женщина, она очень волновалась, с трудом подбирала слова: «Что они натворили! Будь они прокляты... Нет такой казни, которой они достойны...» Это была родная сестра одного из обвиняемых, женщина, взявшая из детского дома на воспитание чужого ребенка и посвятившая этому «своему мальчику» всю жизнь. Среди преступлений, в которых обвиняется ее брат, — истребление детей в душегубках... Могла ли она реагировать на то, что здесь услышала, иначе?

Я видел двух девушек, в одинаковых косыночках, в одинаковых оранжевых юбках. Горько плача, они говорили кому-то из присутствующих: «Нету у нас отца... знать его не хотим...»

Предатели вонстину прокляты. Еще до вынесения приговора их казнил презрением народ.

Прочитав в газете корреспонденцию о процессе, в Краснодар приехал из Керчи отставной офицер, бывший командир воинской части, в которой служил когда-то подсудимый Жирухин. Он выступил свидетелем, рассказал о том, как встревожился «весь личный состав», когда незадолго до вступления немцев в Новороссийск внезапно исчез посланный за продуктами Жирухин: его искали, под бомбежками направляли людей на выручку, а нашли только теперь — на суде в Краснодаре...

Задавая своему бывшему подчиненному вопросы, старый офицер начал было по привычке: «Объясните, товарищ Жирухин, почему вы...» — потом увидел мутные, рыбьи глаза дезертира и предателя, спохватился, махнул рукой: «Подлец!..»

(Этот офицер рассказывал мне, что через несколько дней после дезертирства Жирухина часть пополнилась новым бойцом: из оккупированного Новороссийска к ним, в село Пшады, под градом фашистских пуль вплавь добралась Клавдия Наточий — жена матроса, заведующая военторговским ларьком. Она вырвалась из уже занятого фашистами города, чтобы сдать советским властям казенные деньги и вступить в действующую армию. В Новороссийске у нее остались старики-родители и ребенок.)

Из Омска прилетела в Краснодар Мария Антоновна Комкова. По радио она услышала изложение показаний подсудимого Скрипкина — ее ударили в сердце слова: «Комкова ужасно пытали...»

От Марии Антоновны я узнал историю славной семьи Комковых, историю яркой и светлой жизни двух поколений русских коммунистов: Антона Андреевича Комкова, который в 20-м году организовал в Камне-на-Оби одну из первых коммун — «Вставай, бедняк!», и его сыновей — Филиппа, Аркадия, Николая, Василия, Михаила, которые выросли в беззаветной любви и преданности Родине. Вскоре после того, как над Херсоном был сбит советский самолет, пилотируемый летчиком Филиппом Комковым, в городе появился отважный подпольщик «Мишка Меченый». Этим «Мишкой», наводившим ужас на гитлеровских оккупантов, был Филипп Антонович Комков. В 1943 году его выдал гестаповский провокатор, и он был расстрелян в тюрьме города Николаева. В захвате и аресте Комкова принимал участие Скрипкин...

Мне пришлось разговаривать с одним майором, который расследовал совершенные фашистами преступления. Когда я спросил, чем руководствуется он в своей работе, майор подвел меня к письменному столу, указал на лежащую под стеклом газетную вырезку: «Об одном прошу тех, кто переживет это время: не забудьте! Не забудьте ни добрых, ни злых. Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас». Это слова Юлиуса Фучика.

Суд, тщательно выясняя преступления «злых», открыл множество неизвестных ранее подвигов, назвал имена «добрых» и навсегда сделал их достоянием народа. Я никогда не забуду, как в воскресный день, когда не было судебных заседаний, председательствующий — полковник юстиции Владимир Иванович Малыхин — отправился в своеобразную экскурсию в Новороссийск по следам злодеяний преступников и подвигов героев. У цементного завода, посреди улицы как памятник вечной славы стоит изрешеченный пулями товарный вагон, обозначая рубеж, за которым закрепились советские солдаты и матросы, преградившие гитлеровцам дорогу на Кавказ. Там полковник остановился, молча курил, внимательно рассматривал пробоины, словно этот вагон был неким «вещественным доказательством», имеющим непосредственное отношение к делу. Я смотрел на него и думал: приговор, вынесенный этим человеком от имени народа, будет справедливым...

...Под гневными взглядами девять обвиняемых съежились, ссохлись. Столько они уничтожили людей, что уже не в состоянии вспомнить, когда именно и кого расстреливали, и число жертв определяют «автомашинами». «Когда первую машину расстреляли, мы отправились за второй...»,—показывает суду Еськов. Вейх уточняет: «в тот раз» было расстреляно не пять машин, а четыре. О себе он говорит в третьем лице: «Вейх стрелял, я не отказываюсь, но разве один Вейх стрелял — участвовали и другие, в том числе...» Надеясь спасти себя, они не щадят прежних «сослуживцев» по фашистской зондеркоманде «СС-10 а», многословно разоблачают друг друга и стыдливо умолкают, как только речь заходит об их собственных злодеяниях.

За два дня до вынесения приговора на процессе начались прения сторон. В качестве общественных обвинителей выступили заведующий кафедрой Краснодарского сельскохозяйственного института В. С. Клочко и слесарь завода электроизмерительных приборов Д. Г. Голубенко. Это были яркие выступления народных посланцев, которые вместе с родным народом прошли суровой дорогой войны, хорошо знают величие героизма и мерзость предательства. «Только подонки, трусы и шкурники,—бросает в лица фашистских пособников слова обвинения слесарь Голубенко,—прятались за спины палачей и сами стали палачами!.. Вы думаете, что их мучают стыд и совесть? Нет, стыд и совесть они растоптали вместе с трупами... И народ этого не забыл и никогда им не простит... Я обвиняю именем рабочего класса...»

Надвигается неизбежный финал. Я вновь гляжу на людей, сидящих в зале, и знаю, что они, эти люди, незлобивы, скорее сердобольны. Нет, не чувство слепой мести привело их сюда, в судебный зал, а жажда высшей справедливости, священное чувство неприятия зла.

24 октября 1963 года Военный трибунал Северо-Кавказского военного округа вынес приговор. К высшей мере наказания — расстрелу приговорены изменники Родины, эсэсовцы-каратели Вейх, Скрипкин, Еськов, Сухов, Сургуладзе, Жирухин, Буглак, Псарев. Дзампаев приговорен к 15 годам лишения свободы.

КРАСНОДАР—МОСКВА

См. «Литературную газету» от 12 и 19 октября 1963 года.

НА СЕБЯ ЖАЛОБ НЕТ...

А. САДОВСКИЙ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

КАК РАЗ накануне отъезда в Запорожье на большой, уникальный по масштабам производства завод я побывал в цехах другого завода, тоже уникального, расположенного на берегу Невы. Разговорился о заводских делах с одним моим старым знакомым, и вдруг он сказал с какой-то грустной усмешкой:

— Да, турботехнику выпускаем теперь не сравнимую с довоенным временем... И по двести тысяч выпускаем машины... И по полумиллиону киловатт выпускаем...

— И все-таки недовольны собой? — удивился я, вспомнив технику, которой его завод оснащает крупнейшие электростанции страны.

— Индюк собой доволен, — отчеканил он так угрюмо, что я заподозрил неладное: неужели прославленные ленинградские металлисты выпускают брак?

Он меня успокоил.

— Бракованной продукции с завода не выпустим. Рекламаций нет. Да ведь это мало, что от людей не поступает рекламация. От людей не поступает, а от себя поступает, когда чувствуешь, что не даешь того качества деталей, какое мог бы дать. Да что скрывать правду! До войны чище работали.

Надо знать человека, который сделал такое признание. Это Афанасьев, Николай Иванович, знаменитый бригадир не менее знаменитого Ленинградского металлического завода имени XXII партсъезда.

«Индюк собой доволен!» Конечно, я мог бы записать его признание на счет душевных переживаний слишком уж чувствительной натуры и, воскликнув с пафосом: «Вот они, наши люди, вот оно, святое беспокойство советского человека!», самому на том успокоиться. Но когда создатель уникальных машин современности сознается перед самим собой и перед другими, что делает вещи не так, как мог бы,— тут призадумаешься.

С тем я и уехал через неделю в Запорожье.

ТАМ работает крупнейший в стране трансформаторный завод. Про этот завод уже писали (статья Вал. Рушкиса «Брак замедленного действия», «Литературная газета» от 22 августа), что его продукция плохо повела себя в Прибалтике, на Волжской гидроэлектростанции имени Ленина и в других местах, и я надеялся на месте выяснить, почему запорожцы работают не так, как им, уверен, хотелось бы, не так, как они, уверен, могли бы.

Надеялся почувствовать я в Запорожье и «святое беспокойство» Николая Ивановича.

На заводе мне сразу же преподнесли документ, гласивший:

«В тот же день появления этого номера «Литературной газеты» в Запорожье на нашем заводе возобновился большой разговор о качестве выпускаемого энергетического оборудования. Статья заставила серьезно думать над этим вопросом не только руководство завода, но и всех конструкторов и технологов, рабочих и контролеров ОТК, партийных, профсоюзных и комсомольских активистов».

Пока я изучал текст документа, его составители — заместитель секретаря партийной организации тов. Яковенко и главный инженер завода тов. Романченко — изучали выражение моего лица.

Дескать, ну как?

А что я мог сказать? Здорово!

Мне выписали пропуск, и я отправился в путешествие по заводу для продолжения «большого разговора». Я пошел к конструкторам группы тов. Поповича, которые разрабатывали конструкцию трансформаторов для Волжской ГЭС имени Ленина. Конструкция их не удалась. Все трансформаторы уже вышли из строя и возвращены с Волжской электростанции на завод. Где-где, а тут были основания для беспокойных дум и большего разговора. И вот я стою с авторами незадавшейся конструкции в маленьком светлом лесу из «кульманов» с приколотыми листами ватмана. Некоторое время они смотрят на меня с недоумением. О чем, собственно, речь? О статье, в которой критикуются работы завода? А где статья опубликована?

Я заметил, что статью перепечатала заводская газета, вспомнил про документ, в котором четкой машинописью напечатано, что «статья заставила серьезно думать... всех конструкторов».

Окружившие меня конструкторы развеселились.

— Ловко!

— Ловко? Что ты, Виктор! Это же грубая работа. Отписываться тоже надо уметочи.

— Не надо было писать — все?

— Конечно! Тебя же в институте учили: если ты ставишь опыт над моделью и получаешь все сто процентов коэффициента полезного действия, значит, это липа.

Видно, мое собеседование в конструкторском бюро стало известно составителям злополучного документа, и в новой, окончательной редакции абзац про большой возобновившийся разговор и всеобщее раздумье был благоразумно опущен. Директор завода тов. Майорец, которому собирались преподнести документ на подпись, находился в это время в заграничной командировке и нести ответственность за это сочинение, конечно, не мог. Но когда он вернулся из поездки и я спросил у него, по каким причинам завод выпускает брак, тов. Майорец нахмурился:

— Вы сами откуда?

— Из Ленинграда.

— Так вам незачем было ехать сюда. У вас в Ленинграде есть завод «Электросила», который тоже работает на энергосеть и тоже выпускает известный процент брака.

Если бы я назвался москвичом, он, наверно, вспомнил бы какой-нибудь московский завод, выпускающий «известный процент брака».

И тут опять я вспомнил бригадира Афанасьева. Нет, не для того, чтобы противопоставить этого озабоченного ленинградца будто бы беззаботным запорожцам. Но если ему что-то мешает быть до конца удовлетворенным своей продукцией, то запорожцам тем более должно что-то мешать — ведь «процент брака» здесь очень даже хорошо «известен»...

А что именно?

ТУТ ЗАПОРОЖЦЫ не поскупились. И назвали мне великое множество помех. Они ругали плохую трансформаторную сталь, которую они получают из Новосибирска и других мест. Ругали электрокартон с большой, чуть ли не в пять раз превышающей норму усадочностью. Ругали обмоточный провод со скрытыми забоинами и заусенцами, поступающий от соседа — завода «Запорожкабель». Ругали железнодорожников за грубую кантовку чувствительных к каждому толчку трансформаторов.

Их можно понять и тогда, когда они жалуются на слабость своей научно-исследовательской базы. Вот волжский трансформатор. Это новый тип машины, какого еще нигде нет и какой особенно необходим нам для передачи тока на наши дальние расстояния. По существу, это экспериментальная работа. Но сначала построили трансформаторы и только теперь, когда все они повыходили из строя, начали строить базу, на которой такую работу можно подкрепить необходимым научным экспериментом и нагрузить трансформатор так, как он нагружается в сети.

Все? Нет, еще не все.

— Вот посмотрите, разве ж это чертеж? Это ж эскиз! Как вы думаете, можно работать по эскизу? А мы работаем!

Это уже разговор в цехе, который выпустил волжские трансформаторы. Это слесари бригады коммунистического труда тов. Кулаги предъявляют свои претензии. И суют под нос ватман, выпущенный конструкторским отделом, тем самым, в котором я уже был. Заводская газета прямо-таки пестрит письмами из цехов с жалобами на ошибки конструкторов. И этих претензий тоже со счетов не сбросишь. Но у меня и к бригаде претензии.

— Волжские трансформаторы ваша работа?

— Наша.

— Вы не скажете, какой трансформатор вернулся раньше всех с Волги на завод?

— Забылось уже!

— А последним какой вернулся с Волжской ГЭС?

— Это помним!

Это и я помню. Последним вышел из строя самый первый трансформатор, что поразительно. Ведь потом конструкцию могли улучшить на основе накопленного опыта, но первый трансформатор, посивший в себе все пороки волжской серии, улучшить никак уж не могли. И все-таки он продержался дольше, чем остальные.

— А говорят, что первый блин всегда комом.

— То блин. А то машина. Первая! Над ней всегда глаз да глаз.

— Которого потом не было?

— Нет, не было!

В это время по пролету быстро шел человек в спецовке, рослостью и плечистостью живо напоминающий мне ленинградского бригадира.

— Александр Макарович! — позвали его слесари. — Тут вот корреспондент приехал. Интересуется, как мы работаем. Покажите ему свой график!

Тот метнул на меня пытливый и настороженный взгляд, с минуту постоял на месте, раздумывая о чем-то, потом кивнул головой и ушел, а люди из бригады Кулаги пояснили:

— Александр Макарович Маковецкий. Работать умеет. Орденом Ленина награжден. С третьей сборки бригадир. Тоже коммунистическая бригада.

БРИГАДИР третьей сборки быстро вернулся с небольшим, часто исписанным куском картона.

— Имеется месячный график, если его можно так назвать. Тут, как видите, только наименования. Всего здесь сорок штук трансформаторов разной мощности и разных типов... Вот у нас сейчас холодок, а на холодок мы права не имеем, сборка сорока трансформаторов должна заполнить наше рабочее время до отказа. Каждый новый трансформатор такая хитрая штука, над которой должен конструктор подумать, технолог подумать и сборщик тоже должен подумать. Но когда ж думать? Сегодня десятое число, а еще ни одного трансформатора к нам на сборку не поступало. И это график? Надеюсь, знаете, что такое штурмовщина?

— Про брак скажите, — попросил я.

— А вы сами откуда? — спохватился Маковецкий. — От совнархоза?

— Нет, от редакции.

— Это ваша была статья «Брак замедленного действия»?

— Нет, это другой товарищ написал.

— Факты верно подметил. Только жалко, что причин не указал, почему брак бывает.

— Да вот я шестой день у вас на заводе, а до всех причин никак не докопаюсь.

— Тут и года не хватит. Ну, а жалоб много к вам поступило?

— Порядочно.

— На обмотку жаловались, да? На сталь, на картон? На науку? И что волевые сроки есть, а планирования правильного нет? И на грубое обращение железнодорожников?

Бригадир умолк. И вдруг спросил:

— Вы со многими людьми разговаривали на заводе?

— С очень многими.

— И каждый на кого-то жаловался?

— Простите?..

— Я говорю, на свою собственную плохую работу жалоб ни от кого не поступало?

— Таких жалоб пока не было.

— И не будет. А почему — поймите сами, — сказал Маковецкий, круто повернулся и ушел. Разошлись и слесари. Все были молчаливы, только один из слесарей на прощанье обронил:

— Ну и дал Александр Макарович!

гор. ЗАПОРОЖЬЕ

БОЕВЫЕ ТРАДИЦИИ «ЗАБОЯ»

Наши интервью

Сегодня исполняется 40 лет со дня основания литературно-художественного и общественно-политического журнала «Забой» — ныне альманаха «Донбасс». Редакция «Литературной газеты» горячо поздравляет своих коллег, желает «Донбассу» новых творческих успехов.

Наш корреспондент попросил главного редактора альманаха Н. Гревцова рассказать об истории журнала, поделиться с читателями газеты планами работы редакции.

— В 1923 году, — сказал Н. Гревцов, — в трудное для Родины время, была создана литературная трибуна в Донецком бассейне — журнал «Забой».

Много сил и умения отдавали становлению «Забоя» его первые редакторы — Михаил Слонимский, Борис Горбатов, Иван Ле.

Здесь печатались зачинатели украинской советской поэзии Максим Рыльский, Владимир Сосюра, Павло Тычина. Отсюда вошли в советскую литературу Б. Горбатов, П. Беспощадный, А. Селивановский, Ю. Черный-Диденко, П. Байдебура, Л. Жаринов, М. Тардов, П. Трейдуб, П. Чебалин, Г. Марягин. На страницах «Литературного Донбасса», как стал с 1933 года именоваться «Забой», впервые прозвучали голоса Г. Костоправа, К. Герасименко, М. Фролова, Н. Упеника, Н. Рудя. После войны пришло новое пополнение — у нас начали свой творческий путь В. Попов, В. Соколов, В. Труханов, В. Шутов, А. Ионов, Л. Черкашина, И. Рябокляч и многие другие...

Серьезный, принципиальный разговор о задачах идеологической работы, о художественном творчестве, о жизни ведут на страницах «Донбасса» не только литераторы, но и партийные работники, шахтеры, металлурги, колхозники.

Широкий круг авторов — это значит и широкая тематика, большее приближение «Донбасса» к современности, к практике коммунистического строительства.

Редколлегия журнала, наш творческий актив постоянно ищут новые формы работы. Недавно мы встречались, например, с горняками шахты коммунистического труда «Коммунист-Новая». Тесную связь поддерживаем с нашими прославленными земляками Николаем Мамаем, Александром Кольчиком, Кузьмой Севериновым и другими замечательными людьми земли донецкой. Мы проводим заочные конференции читателей — «За нашим круглым столом». В этом году состоялись две такие конференции. Одна из них была посвящена вопросам развития Большой химии Донбасса, другая — внедрению радиоэлектроники и электронной техники во все отрасли промышленности Донецкого экономического района. С добрыми пожеланиями к участникам конференции обратился известный советский ученый академик А. И. Берг.

У нас появились такие рубрики, как «Люди и время», «На донецком меридиане», «Вчера, сегодня, завтра», «Из истории родного края»...

— В заключение, — сказал Н. Гревцов, — несколько слов о нашем юбилейном номере. Мы получили много приветствий со всех концов страны и с удовольствием опубликуем их. Наши читатели узнают в тех, кто стоял у истоков донецкого журнала, прочтут роман Федора Вольного «Тимка» — о революционном Донбассе, стихи В. Сосюры, В. Соколова, Н. Рыбалко, новые юморески А. Ковиньи, очерки прапильщика Л. Новикова «Мои товарищи» и другие материалы.

Писатели Донбасса — наследники боевых традиций «Забоя» — неуклонно отстаивают ленинские принципы партийности и народности художественного творчества, воспевают трудовые деяния, думы и жизнь рабочего человека — творца всего прекрасного на земле.

НЕНУЖНАЯ ОБИДЧИВОСТЬ

РЕДАКЦИЯ получила письмо председателя Комитета научно-технической терминологии Академии наук СССР академика В. Кулебакина. В нем автор возвращается к проходившему в свое время на страницах «Литературной газеты» обсуждению проблем научно-технической терминологии.

Нас, признаться, удивило это письмо. Как известно, заметка инженера А. Гольдина «...Вкрест простиранию», положившая начало этому обсуждению, появилась еще в феврале нынешнего года («Литературная газета», № 16 от 5 февраля). Спустя некоторое время газета (№ 64 от 30 мая) вновь вернулась к этому вопросу и напечатала заметку писателя Корнея Чуковского «Шаротык и топталище». Одновременно было опубликовано письмо «Необоснованные нападки», под которым стояли подписи академика В. Кулебакина и ученого секретаря Комитета научно-технической терминологии Я. Климовицкого.

Выступление В. Кулебакина и Я. Климовицкого имело одну огорчительную особенность. Справедливо оспаривая некоторые неверные замечания инженера А. Гольдина, выразившего тревогу по поводу засорения языка неуклюжими, неблагозвучными терминами, авторы в то же время всеми силами стремились оградить от критики деятельность возглавляемого ими комитета. Тем не менее газета, заинтересованная в плодотворном обсуждении, опубликовала это письмо.

Разговор о том, каким должен быть технический термин, вызвал большой интерес у читателей. И опять, заботясь об интересах дела, редакция предоставила Комитету научно-технической терминологии всю читательскую почту, полученную в связи с этой дискуссией. Мы полагали, что внимательное ознакомление с высказываниями читателей, защищавших разные точки зрения, поможет комитету в его дальнейшей терминологической работе.

И вот новое письмо академика В. Кулебакина, автор которого озабочен только одним — еще раз защитить Комитет научно-технической терминологии от якобы несправедливой критики, прозвучавшей со страниц «Литературной газеты». Оба выступления газеты, в том числе и заметка писателя и ученого, знатока русского языка К. Чуковского, в письме В. Кулебакина объявляются «вульгарными», «оскорбительными для русского языка», «для широкого коллектива ученых и инженеров — участников терминологических работ, проводимых в течение многих лет комитетом». Автор призывает редакцию проявить «мужество», требует извиниться перед читателями и комитетом, предлагает даже «представить редакции проект этого резюме»... Что и говорить, сердитое письмо.

Но вот читатели, к мнению которых апеллирует академик В. Кулебакин, в подавляющем большинстве писем, присланных в редакцию, выражают как раз удовлетворение по поводу дискуссии, возникшей на страницах «Литературной газеты». «Инициатива «Литературной газеты» заслуживает всяческого одобрения, — пишет в редакцию кандидат технических наук В. Олевский. — Несомненно, что обсуждение научных и технических терминов, разрабатываемых Комитетом научно-технической терминологии Академии наук СССР и целым рядом других учреждений... вполне назревшее общественное мероприятие».

Читатели подчеркивают сложность процесса образования технических терминов. Да, многие из специалистов, откликнувшихся на выступления газеты, полемизируют с теми или иными положениями А. Гольдина и К. Чуковского, другие же поддерживают эти выступления, касаются новых, не затронутых в выступлениях газеты аспектов проблемы. И это естественно. Спор есть спор, и каждый его участник вправе отстаивать свою точку зрения. Сердиться же на оппонентов, даже если ты с ними не согласен, как это делает комитет, — занятие всегда мало плодотворное. Но руководители комитета с самого начала рассердились и на всем протяжении дискуссии были озабочены одним — защитой собственного престижа. Показательно в этом отношении и письмо В. Кулебакина К. Чуковскому. Спор с К. Чуковским идет в письме, по сути дела, только по одному, не очень удачному примеру, который привел писатель. Все другие замечания, другие примеры неудобочитаемых терминов в письме оставлены без внимания. «Уличающий» тон письма как нельзя лучше соответствует позиции, занятой комитетом в дискуссии. И очень точно отметил это обстоятельство инженер Л. Сатановский, который пишет в редакцию: «Нельзя... полностью принять обидчивый тон статьи В. С. Кулебакина и Я. А. Климовицкого... Хорошо, что Комитет научно-технической терминологии ведет работу в тесном контакте с Институтом русского языка Академии наук СССР. Плохо, что в стороне от этого дела стоит инженерная общественность. Полезно было бы образовать и секцию литераторов, работающих в области техники, при Союзе журналистов СССР, которая во многом смогла бы помочь комитету терминологии в трудном и ответственном деле создания доброкачественных технических терминов».

Выступления «Литературной газеты» были продиктованы именно желанием помочь комитету в его сложной работе, и, право же, не стоило академику В. Кулебакину так безоговорочно отбрасывать те критические замечания, которые были высказаны в адрес руководимого им учреждения.

В редакции вечером

КОСМОНАВТ-2 И ЕГО ДРУЗЬЯ-ПОЭТЫ

ТО, ЧТО Герман Степанович Титов любит поэзию и хорошо читает стихи, знают многие. По крайней мере те, кто видел документальный кинофильм «Слова к звездам», запечатлевший Титова в сурдокамере, с увлечением читающего главы из «Евгения Онегина». Поговаривали, что Космонавт-2 сам пишет стихи, что он дружен с поэтами, до сих пор неведомыми читателям.

Мы решили не ожидать очередного вечера «Космос и поэзия» в ЦДЛ, а пригласить Германа Степановича в один из вечеров к нам в редакцию и получить у него ответы на эти вопросы. И вот он вместе со своими друзьями приехал к нам в «Литературку», на Цветной бульвар, 30. Титов рассказал, разумеется, о дочке (ей уже месяц!), жестком учебном плане космонавтов и перешел к поэзии.

— Пишу ли я стихи? — удивленно спросил он. — Что вы, помилуйте. Конечно, нет! Только раз в своей жизни попробовал это сделать 7 марта прошлого года купил жене подарок и хотел было сопроводить его поэтической надписью. Несколько часов промаялся, пока сочинил одну тяжеловесную строку. Нет, увы, стихи не писал. Хотя в нашем семейном роду отношение к поэзии самое душевное...

...Так начался наш разговор с Космонавтом-2 о поэзии, коснувшийся различных сторон этой бесконечной темы. Герман Степанович прежде всего заметил, что, когда у него хорошо на душе («впрочем, я пока не знаю, что такое плохо»), он обычно тянется к Пушкину или Маяковскому. Вспоминая школьные годы, он признался, как однажды писал сочинение о Маяковском, сделал 52 ошибки и получил «ноль» («Да уж сам не знаю, как это произошло, но — было! Учительница сказала — содержание «отлично», а с орфографией — кошмар. Пришлось на орфографию подналечь»). И, разумеется, Космонавт-2 читал стихи. Главным образом те, которые пока нигде не печатались и которые имеют отношение к его друзьям и к «роду».

— Когда я говорю о нашем «роде» в «поэтическом смысле», то прежде всего имею в виду своего отца — Степана Павловича. Он издавна любит литературу, поэзию. Помню, в военные годы он с фронта присылал матери свои новые стихи. С бумагой, видно,

было там плохо, поэтому отец писал на каких-то схемах, на чем попало. Но разобрать было нетрудно — почерк у него прекрасный. Мать обычно вечером читала письма, а потом прятала их в сундук. Однажды я тайком полез в сундук. Там были хорошие стихи — о Чкалове, о нашей старой деревне, о родных алтайских краях. Отец и сейчас еще занимается этим. В прошлом году я был дома, на Алтае. Смотрю, районная газета его стихи печатает... Вообще говоря, у нас в Полковникове поэзией увлекаются многие, и особенно — любимый наш учитель русского языка и литературы Александр Фомич Кулик. Много лет он отдал школе. По-видимому, давно сам пишет стихи и нас, учеников, приучал к этому. К слову сказать, совсем недавно он сочинил лирические стихи об Алтае, которые мой отец переложил на музыку.

...Титов вспоминает родное селение, школу, друзей, литературный кружок.

— Я хорошо помню первое занятие кружка. Александр Фомич предложил нам попробовать сочинить стихотворение. Это было совершенно неожиданно. Два часа мы сообща трудились у стола и все же написали. Было там и такое четверостишие:

Мы славную Родину любим свою,
Как нежную, добрую мать.
И если придется. — в жестоком бою
Готовы ее защищать.

— Конечно, первый опыт. Но ведь стихи писали мальчики из пятого класса... Впрочем, среди этих поэтов, видимо, был один настоящий — Паша Горбунов (в классе его почему-то звали Пахомом). Он сочинял тайком, и мы совершенно случайно обнаружили это его увлечение. Узнали и заставили прочитать. Одно из тех стихотворений я помню все эти годы.

...Титов читал стихи школьного товарища, читал строго, просто, так, как читают что-то очень близкое. Тринадцатилетний поэт из алтайского селения Полковниково смущенно признавался, что он «любит смотреть в тиши без слов, как утром у реки горят на солнце берегов сыпучие пески». Поэт вглядывается в родную природу, тонко, с любовью рисуя живые ее картины. Титову эти стихи по душе.

— Вот так писал наш Паша. Он живет среди полей, лесов, рек, и все это стало частью его жизни.

— Александр Фомич, помню, внимательно слушал одно из первых стихотворений Паши Горбунова, сдержанно улыбался, хотя по всему было видно: доволен! Минул год. И на занятии нашего литкружка он прочитал свои новые лирические стихи. Я их тоже запомнил.

...И снова Титов читает. Неторопливо, певуче, с той мерой волнения, когда стихи возрождают в памяти незабываемое — детство и юность.

— Хорошо, не правда ли? — переспрашивает Титов. — Автор учился тогда в шестом классе. А в прошлом году я был дома, в деревне. Мы давно с Павлом не встречались и вот, наконец, увиделись. Вымахал он, а был когда-то мал ростом. Закончил сельскохозяйственный институт, работает зоотехником в нашем колхозе, женился на моей однокласснице Нине Феофилактовой. Одним словом — все в порядке. Встретились, спрашиваю Пашу:

— Стихи пишешь?

— Да что ты, — уклончиво ответил он. — Некогда, работы у нас по горло. Только иногда, в воскресенье или зимой присядешь на часик...

— Печатаешься?

— Нет, боюсь...

— Ну если не в Барнауле или в Москве, то хотя бы в районной газете?

— Все равно страшновато...

— Ну, а стихи записываешь в тетрадь?

— Иногда, если они удались.

— Дай мне тетрадь поглядеть.

— Зачем, время зря терять...

Титов широко разводит руками: таков он, его старый школьный товарищ. Наверное, у зоотехника Горбунова сейчас есть новые стихи, но он человек степенный и «штурмовать» редакции не собирается. Впрочем, там, в деревне, стихами занимаются многие. И не только в Полковникове, но и в соседних селениях тоже. Когда в последний раз Титов ездил на Алтай, собрался весь его класс, весь школьный выпуск: вспомнили юность, стихи старые читали! Съездил он и в соседние деревни. Здесь тоже знакомых полно. Кто остался в полеводах, кто вышел в педагоги. В Калманке Титов встретил двух девушек-учительниц. Одна из них — Татьяна Ивановна Грязнова — тоже стихами увлеклась.

...Да, в кругу друзей космонавта действительно много поэтов.

— Не так уж много, но есть. Я вспоминаю сейчас и своего старого армейского друга, летчика Юрия Асхаговича Гатиятова, — говорит Титов. — Четыре года мы с ним рядышком прожили в авиационном училище. Вместе ходили в наряд, вместе летали, вместе получали увольнительные, участвовали в самодеятельности: он читал стихи, а я конферировал. Юра писал много, но запомнил я лишь несколько стихотворений. Одно из них — острое, сатирическое, о людях «разных калибров», о тех, кто любит мельтешить перед начальством... В 1958 году мы расстались. Училище было закончено. Гатиятова отправили служить в Казахстан, а меня — в Ленинград. Простились, разъехались — и точка! Письма мы не любили писать. Минуло несколько лет, и вот незадолго до полета на «Востоке-2» захожу я как-то в столовую нашей части и — о, чудо! — вижу: Гатиятов, Юра! Вот так штука! Откуда, как, где? Пошли ко мне домой и отвели душу в разговоре. Все в норме. Служит, командует. На курсы приехал.

— Я вспомнил его старые стихи, читал, а он смущенно отмалчивался. Когда Юра собрался было уходить, я попросил оставить мне на память что-нибудь новое. Он помялся, засопел, а потом, по давней привычке, сел в уголок и начал писать. Это было лирическое стихотворение о встречах и расставаниях, о черемухе и Волге...

— Я спросил Юру: может быть, передать редакции? «Ради бога, не надо,— взмолился он. — Стихи — дело серьезное, и печатать их можно лишь тогда, когда они людям нужны».

...Друзья расстались: Гатиятов уехал к месту службы — и опять молчок: разве он станет писать?!

— Некогда, — сочувственно разъясняет Титов. — И ему, и всем нам. Очень некогда! Покаюсь, читаю сейчас только на ходу. Учеба все отнимает. Для стихов остается совсем мало времени. Правда, недавно я познакомился со сборником произведений монгольских поэтов. Монголия — чудесная страна. Я много там ездил, многое увидел, поэтов встречал. А вот совсем недавно дома открываю книжку и читаю великолепные стихи. Они называются «Под серебряной луной». Их автор — молодой поэт Явуухулан. Там есть такие строки:

Я родной монгольской речи
Рою ценную руду...
Сердцу, близкому навечно,
Все отдам я, что найду.

— Умно, душевно, — говорит Титов. — Да, стихов у нас много. Должно быть еще больше. И будет, если в школе их станут чаще читать и меньше цитировать по учебникам. Впрочем, это особая тема. Сегодня уже поздно, продолжим наш разговор о поэзии как-нибудь в другой раз...

...Так три часа вместе с Германом Титовым мы путешествовали по поэтической орбите. Космонавт-2 дал исчерпывающие ответы на наши вопросы. Из них мы вынесли убеждение, что хотя он сам, может быть, и не пишет стихов, но у поэзии находится в прочном плену. Этот вывод Герман Степанович не опровергал.

— Да, поэзия — штука необходимая, — замечает Титов. — День без нее — день без красок!

Н. МАР

ЮБИЛЕЙ ЖУРНАЛА «ТЕХНИКА — МОЛОДЕЖИ»

Исполнилось 30 лет со времени выхода в свет первого номера самого массового в нашей стране научно-популярного журнала «Техника — молодежи». Слово «популярный» в его подзаголовке не просто обозначение жанра, он действительно пользуется большой любовью нашей молодежи. Тираж журнала достиг 1 000 000 экземпляров. О «Технике — молодежи» с признательностью вспоминают сейчас уже опытные, старые кадры советских ученых, инженеров, техников. Журнал привил им любовь к поискам, к дерзаниям, к упорству в разгадке тайн природы. Сейчас, во времена всеобщего политехнического обучения, эта благородная роль журнала приобретает еще большее значение. В нем выступали и выступают самые известные ученые.

«Техника — молодежи» стала признанным пропагандистом научно-фантастической литературы. На ее страницах впервые увидел свет роман И. Ефремова «Туманность Андромеды». В прошлом году по инициативе журнала был проведен большой конкурс на лучшее произведение научной фантастики, в котором приняли участие почти все социалистические страны. Сейчас «Молодая гвардия» издает книгу, где собраны премированные на конкурсе произведения.

Вчера общественность Москвы отметила юбилей журнала на торжественном собрании.

Новое издание «Школы» А. Гайдара

В Детгизе готовится новое издание повести Аркадия Гайдара «Школа». До сих пор это произведение привлекает и юных, и взрослых читателей. Книга, которую готовит к печати Детгиз, будет иллюстрирована работами художника А. Парамонова, сделавшего около шестидесяти рисунков.

— Мне близка взволнованность повести Гайдара, необычность ситуаций, о которых он рассказывает, обаяние героя — Бориса Горикова, — сказал художник.

Сегодня мы публикуем несколько иллюстраций А. Парамонова к книге Гайдара «Школа».

250 Саят-Нова 250

Георгий ЛЕОНИДЗЕ

ИЗ КРЕМНЯ — ИСКРЫ

МОЖЕТ быть, некоторые удивятся, узнав, что Саят-Нову называют своим любимым поэтом и армяне, и грузины, и азербайджанцы...

С одинаковой мощью и красотой звенел на трех языках и озарял сердца светом своей песни сын поэта-интернационалиста, великого сердцеведа Саят-Новы. Широкая распространенность его творчества на Кавказе просто поразительна. Его стихи перешли в народные поговорки, в песни, его строки ставили эпиграфом к своим стихам поэты-классики.

Гений армянского народа, тбилисский соловей Саят-Нова — великая творческая личность, бесконечно живой поэт. И в наши дни с огромной страстностью звучит его певучий стих, ибо он собирал лучи жизни народа и поэтому просиял над всем Кавказом — родиной Низами и Руставели.

Саят-Нова, сам выковавший свою лиру, стал воплощением песни.

Яркая творческая индивидуальность сделала его неиссякаемым первоисточником магической поэтической силы и вдохновения. Его поэтическая манера стала традиционным поэтическим стилем. У него было много подражателей, но он неподражаем, и поэтому у него оказалось столько эпигонов.

В центре внимания Саят-Новы — человеческая личность. Он был певцом человеческого счастья и любви.

Великий рапсод смело мог повторить слова Данте:

Когда любовью я дышу,
То я внимателен: ей только надо
Мне подсказать слова, и я пишу.

Саят-Нова жертвенно отдался своему служению. Придворный певец, он больше был известен как слуга народа—нокар—с сазом в руке, как выразитель и властитель дум и чаяний тбилисского городского плебса, находившего в его стихах не только глубину своего поэтического чувства, не только свою музыку, но и свои идеалы.

Саят-Нова жил и творил в Грузии. Сын Тбилиси, он был связан с родным городом теснейшими узами: здесь впервые встрепенулось его песенное сердце, здесь начался его полет, продолжающийся уже два с половиной века.

В поэзии Саят-Новы с одинаковой силой отражены думы и чувства армянского, грузинского, азербайджанского простонародья. Выходец из городского люда, он пел на его языке, пел с такой вдохновенной силой, что заставлял даже изощренный слух недоброжелателей-дворян прислушиваться к этим «плебейским» мелодиям.

САЯТ-НОВА на трех языках пел о том, о чем все века пели все поэты — каждый на своем языке, — о любви, о любимой. Для нее приберегал самые вдохновенные порывы своего поэтического слова, для нее находил самые возвышенные и неожиданные сравнения:

Царил султаном я — дани утратил.
Купцом скитался я — ткани утратил.
Тебя, блеск утренний рани, — утратил.
Найти сумею ли скрытое в море?

Возлюбленную поэт облачал в роскошные одежды, подобающие царице его восторженной души:

Хороша ты в златотканн!
В золотом уборе ты.
Всем Туранам, всем Ираном завладеешь вскоре ты.
Будь со мной! Грозя разлукой, смерть несешь во взоре ты.

Спит влюбленный; слышит:
песней потонла в просторе ты.

Язык его поэзии, пестрый и яркий, мог быть изысканно нежным, сверкать тончайшими переливами богатого чувства любви, но становился бичующе-насмешливым и гневным, когда заходила речь о чванливом придворном тунеядце. Но везде — и в нежной, и в гневной страсти—поэт оставался самим собой.

Когда-то, примерно в 1926 году, работая над книгой о Саят-Нове и перебирая древнегрузинские рукописи, я неожиданно наткнулся на маленький рассказ, который потряс меня до глубины души. Это был диалог между монахом Иоанном и настоятелем Ахпатского монастыря, помещенный в тогда еще не изданной части сборника «Калмасова». Настоятелем оказался не кто иной, как Саят-Нова, которого превратности судьбы заставили уйти в монастырь.

На замечание своего собеседника: «Оставили вы все мирское и потому должны отказаться от музыкального инструмента и от песни», — ашуг ответил: «Пока струны натянуты на этом чонгури и не оборвались, не откажусь от игры, ибо, когда постригали меня в монахи, эти струны были за пазухой у меня, и они посвящены вместе со мною...»

Помнится, был я настолько взволнован прочитанным, что тогда же сложил стихотворение «Если в жизни мы с песнями дружим», в котором попытался дать свое поэтическое осмысление этому интересному факту из жизни Саят-Новы.

Пламенное сердце великого ашуга, напоенное горячей песенной кровью, не смогли угасить ни грубая ткань монашеской рясы, ни прошедшие затем века...

ЖИЗНЬ и творчество Саят-Новы, ярким пламенем озарившие мрак столетий, остались в сердцах потомков священным завет: братские народы должны петь друг другу о любви своей и дружбе.

Поэт мечтал о том времени, когда стихи его будут звучать с еще большей силой, как призыв к братству и любви:

Если бы каждое утро вставал я, как солнце!
Если бы деревом был я, в наш двор пересаженным,
Если б был я таким, чтобы ты не хотела срубить меня,
Если б я смог быть твоим самым близким соседом,
Чтобы ты, любовь, могла войти в наш дом, как в свой!

Сегодня сбылась мечта великого певца: наши сады расцветают цветами любви, и нет между нами никаких преград!

Ведь сказал поэт:

Пусть сады наши мирно цветут по соседству,
Не должны мы оградами их разделять.

САЯТ-НОВА щедро сеял добрые семена, и поэтому он сегодня — владетель великих садов и цветников.

Мудрец сказал: «Гений живет в народе, как искра в кремне». Саят-Нова — огонь, который высекла любовь народа, изголодавшееся по любви народное сердце. Саят-Нова — звезда, озаряющая мрачное прошлое народов Закавказья. Бессмертный гуманист и просветитель нашел те слова братства и любви, которые и сегодня брызжут огнем, сжигают сердца. И именно поэтому великий певец имеет право сказать:

Я — Арутин, Саят-Нова я!
Пою, — и песни гремят громами.

Поэзия Саят-Новы своей бессмертной красотой цементирует силу нашего духа и сердца. Ведь пока живет поэзия Саят-Новы, будет жить любовь, а пока живет любовь, будет жить Саят-Нова.

Ты не умрешь, Саят-Нова.
Ты будешь петь тысячедневно...

. . . . . .

И в нетерпении напевном
Взлететь стремится сокол сая,
И рвет цепочку золотую...

ТБИЛИСИ

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Однажды армянский писатель Серо Ханзадян в селе Абдулаг, что стоит на берегу Севана, услышал пение азербайджанского ашуга Магарама Гаджиева. Среди песен была одна, захватившая писателя своей поэтичностью и мудростью. И когда в последней строфе прозвучало имя Саят-Новы, писатель, взволнованный и обрадованный, попросил ашуга повторить песню, чтобы записать ее слова.

Ашуг рассказал, что он выучил эту песню со слов товарища, а тот в свою очередь, очевидно, услышал ее от другого. Из уст в уста передавалась она...

— Ведь хорошая песня в народе никогда не затеряется, — сказал Магарам Гаджиев.

На днях армянские исследователи творчества Саят-Новы тщательно проанализировали текст этой до сих пор не опубликованной песни и пришли к выводу, что она принадлежит великому поэту.

Сколько же еще не найдено его песен? Известный армянский литературовед М. Асратян считает, что всего Саят-Нова создал около четырехсот стихотворений. В сохранившейся же рукописной тетради (давтаре) поэта и тетради с записями, сделанными его сыном, содержится 199 армянских, азербайджанских и грузинских песен. *Позже — в архивах, у ашугов* — было найдено еще 26 песен. Таким образом, до сих пор было известно 225 стихотворений Саят-Новы.

Можно надеяться, что если за двести с лишним лет народ сберег и донес до наших дней большую часть золотых россыпей стихов Саят-Новы, то и остальные будут рано или поздно найдены. Все драгоценное наследие великого поэта должно стать достоянием наших потомков.

Мы публикуем сегодня перевод песни, у которой такая своеобразная и интересная история.

К. СЕРЕБРЯКОВ

226-я ПЕСНЯ

***

Заветных тайн своих врагу не доверяй,
Когда-нибудь за грош продаст их негодяй.
Не будь завистником, чужого не желай —
Отплатят этим же в недобрый час тебе.

Благослови свой день и ночи благодать,
Возвысившись, не смей про землю забывать.
Пусть небо — твой отец, земля — родная мать,
Забудешь — не открыть вовеки клад тебе.

Верь другу честному, люби его, как брат,
Не слушай клеветы, пусть за спиной шипят,
Не тронь змею ногой — ужалит, пустит яд
И пламенную кровь отравит враз тебе.

Оказывай почет седому старику,
Спеши помочь в беде любому бедняку,
Скитальца пригласи погреться к огоньку,
Чтоб доброта твоя отозвалась тебе.

По-честному трудись, достоинство блюди,
На путь извилистый с прямого не сойди,
Саят-Нова, коль зло завидишь впереди,
Иди своим путем — зло не указ тебе.

Перевела
Вера ЗВЯГИНЦЕВА

Паруйр СЕВАК

И славя, и кляня

ВРЯД ЛИ в XVIII веке можно найти другое такое явление, как Саят-Нова, человек, наделенный дарованиями, которых хватило бы для того, чтобы сделать выдающимися по крайней мере шестерых счастливцев: одного — как волшебного певца, другого — как дивного музыканта-исполнителя, третьего — как незабываемого композитора-песенника, а трех остальных — как поэтов, каждый из которых составлял бы гордость той нации, на языке которой он творил бы. Все это многообразие даров жило в одной душе, в одном сердце, связано с одним именем, которое в юные годы звучало «Арутин», а в дальнейшем и навечно «Саят-Нова».

Говоря о Саят-Нове, невольно вспоминаешь легенду о семи греческих городах, споривших из-за чести называться родиной Гомера. О великом поэте Закавказья спорить должны были бы не города одной страны, а три разные страны — Армения, Грузия и Азербайджан. Но Саят-Нова не вызывает споров. Он вошел в жизнь, историю, культуру трех народов одновременно...

КАК НА Западе, так и на Востоке, начиная с незапамятных времен, особой любовью пользовались народные певцы. Восточные собратья греческих рапсодов и французских трубадуров, немецких мейстерзингеров и кельтских бардов песней и музыкой провозглашали вдохновенное и горячее, ядовитое, справедливое и мудрое слово, состязались друг с другом на народных празднествах, на площадях и улицах, в хижинах и дворцах. Почти во всех странах Востока в эпоху позднего средневековья они назывались весьма примечательным словом — «ашуг», что означало «влюбленный».

Общеизвестно, что любовь была основным мотивом их песен. Основным, но не единственным. Они любили правду и справедливость, все доброе и прекрасное. Они были устами народа в ту эпоху зла и несправедливости, которая обозначена одним словом «средневековье», но которая длилась более тысячи лет.

И то, что не дозволено было никому, народным неписаным законом разрешалось им. Закованы были мысли у всех, но не у них. Замок был на устах у всех, но не у них. Нет, они не имели надобности повторять, что язык человеку дан, чтобы скрывать мысли. Эту привилегию ашугов наиболее метко охарактеризовал Саят-Нова:

Язык ашуга — соловей: он славит, не клянет с плеча!
Пред пашом он поет смелей, и для него не палача.

В этой характеристике не совсем верно лишь то, что будто язык ашуга только «славит», но «не клянет». Нет. Язык ашуга также и проклинал, он осуждал все несправедливое и злое, дурное и некрасивое, бесчеловечное и противоестественное. Своей песней ашуг очень часто подвергал критике те или иные явления общественной жизни, нравы своего времени.

САЯТ-НОВА, конечно, не мог не быть связанным со своими предшественниками. В то же время он отличался от них. Он был именно тем ашугом, который полностью соответствовал первоначальному значению этого слова.

Ведь, действительно, он, как говорят, с ног до головы влюбленный, любовью опьяненный, обезумевший от любви. И вовсе не восточным преувеличением являются неоднократно повторяемые им слова о том, что он «подобен маленькому кораблю», брошенному в «море любви». Это довольно избитое, истертое сравнение у иного поэта можно было бы расценить как общее место. Но у Саят-Новы это выражение душевного состояния, ибо для него любовь — действительно море...

В ту далекую мрачную эпоху такая любовь не могла быть счастливой, она могла быть только источником постоянных страданий.

Ах, сердце замерло в груди, утомлено борьбой оно,
И око тускло, погляди, томится по одной оно,
Тьма перед мыслью впереди, лишь пение — со мной оно.
Но мне надежды в жизни нет, близна моя могила, знай,
Сожжен, изранен, я брожу, приюта нет родного мне,
Я острых слов не нахожу, но для чего и слово мне!
Тысячекратно я тужу: дано так много злого мне.
И мысль и память, как в цепях, меня пучина скрыла, знай,
Но сердца траурен наряд, и кровь из глаз струится вновь,
Как тучи на море лежат, так жаждет грудь упиться вновь,
Лечить я рану сердца рад, но можно ль исцелиться вновь?
Так истекаю кровью я, ах! я отвергнут милой, знай!

Перевод В. БРЮСОВА

Саят-Нова не раз считал себя «книгой песни» для своей возлюбленной, «яр». И это вовсе не метафора и не олицетворение, ибо если бы он захотел озаглавить свои трехъязычные стихотворения, то несомненно назвал бы их «*Книгой любви*», и под это *название подошли* бы и его многочисленные нравоучительные песни, поскольку и в них Саят-Нова выступает не как холодный наблюдатель, а как тот же пламенный и вдохновенный влюбленный — влюбленный не только в женщину, но и в жизнь, не только в красивое, но в прекрасное.

Восточная поэзия начиная с давних времен не отделяет друг от друга темы любви и застольного веселья. Достаточно вспомнить лишь Хайяма и Хафиза, чтобы убедиться в этом. Женщина и вино, любовь и пир были нераздельны и во всей ашугской поэзии. Поэтому трудно найти такой сборник произведений какого-либо восточного поэта или ашуга, где не было бы внушительного раздела застольных песен. А у Саят-Новы ничего подобного нет. И кажется странным, что в свое время на это не обратили внимания его коронованные хозяева. Ведь первой обязанностью придворного певца и музыканта-сазандара было петь и играть на царских пирах, словом и музыкой развлекая царедворцев. А у Саят-Новы такого рода песен нет. И если бы у него потребовали объяснения, он ответил бы коротко и ясно: «Я ранен, как же мне смеяться?»

Из всего трехъязычного сборника Саят-Новы, пожалуй, лишь одну песню грузинского цикла можно назвать застольной, и та, по всей вероятности, создана в ранний период его творчества. Вообще же на всех пирах и кутежах он чувствует себя одиноким.

Но вот что важно: страстный и глубокий, Саят-Нова часто бывает огорченным, но никогда — кислым. И смотрит он на мир и на нас с горькой улыбкой, но не с кислой усмешкой...

Нашедший вторую родину в Грузии, Саят-Нова из хижины ткача поднялся до царского дворца, но оттуда он постоянно обращал свое слово к хижинам.

Родившийся в хижине, он всюду держал себя как поэт, с такой свободой, которая граничит с вызывающей дерзостью, потому что история еще не родила такого деспота, которому удалось бы поработить настоящего народного художника.

Саят-Нова был поэтом народа, то есть его открытым глазом и его голосом, его сердцем и ключом к этому сердцу.

ЕРЕВАН

ГЛАШАТАЙ МЕЧТЫ НАРОДНОЙ

Сулейман РУСТАМ

ВСЯКИЙ раз, когда мы произносим имя Саят-Новы, перед нашим мысленным взором предстает, как некая крепость, вечная, древняя, выдержавшая великие испытания дружба народов Закавказья.

Имя Саят-Новы, его жизнь и творчество — символ ее. Ибо Саят-Нова всегда смотрел на мир глазами трех народов, устами трех народов пел свои песни под звуки саза, кяманчи и чонгури.

Всякий раз, когда бы мы ни произнесли это имя — Саят-Нова, — мы глубже и яснее ощущаем светлое братство трех народов, борющихся и созидающих рука об руку, идущих плечом к плечу, разделяющих хлеб-соль за одним столом.

С каждым годом от нас все дальше время Саят-Новы, но все ближе его ясный образ, ибо и в наше время его поэзия сохраняет свою неповторимую новизну и силу воздействия. Поэзия Саят-Новы, как и подобает настоящей, истинной поэзии, остается вечно юной.

Постоянный интерес народов Закавказья к искусству друг друга закономерен. Не является ли он лучшим выражением самых заветных чаяний, рожденных в глубинах сердец трех народов?

Еще в те времена, когда стихи Саят-Новы не были напечатаны у нас в Азербайджане, его песни, вызывая глубокий душевный отзвук у простых людей, звучали в устах ашугов под аккомпанемент сазов, передавались из края в край, из рода в род.

Если мы обратимся к творчеству азербайджанских ашугов, которые жили в одно время с Саят-Новой, мы увидим стихотворные произведения, выражающие те же думы, те же чаяния, воспевающие ту же дружбу, глашатаем которой являлся Саят-Нова. Ибо передовые певцы Закавказья того времени не могли молчать о бедах народных, о мечтах и надеждах на свободное будущее. Близость бытовых укладов, сходство жизненных условий, общность обычаев и традиций —черты, роднящие наши народы, находили отражение в музыке и поэтическом устном творчестве.

В свое время на армянских народных празднествах, свадьбах и пирах с гордостью упоминались имена мастеров азербайджанской музыки и ашугов, а в Азербайджане высоко ценилось искусство армянских певцов и музыкантов. Эта традиция сохранилась и поныне. Современные азербайджанские ашуги-мастера всегда и везде с любовью и почтением упоминают имя Саят-Новы, вдохновенно поют его песни.

Труден, но слажен жизненный путь бессмертного мастера, жемчужины его благородного искусства остаются поныне украшением сокровищницы нашего азербайджанского классического наследия. Имя Саят-Новы занимает одно из самых высоких, почетных мест в истории азербайджанской поэзии.

Талантливые поэты и ашуги Азербайджана посвятили Саят-Нове много стихотворений, песен и поэм. Например, лауреат Государственной премии поэт Мамед Рагим написал свою поэму о жизни и творчестве Саят-Новы, о беспримерном подвиге его жизни.

Писать о Саят-Нове — это значит воспевать братское единство народов Закавказья.

Мы, советские поэты, гордимся, что нас называют певцами народными. Мы, поэты, ученики ленинской школы, школы революции, — испытанные путники той славной дороги, которая называется дружбой народов...

В дни общенародных торжеств, посвященных Саят-Нове, я снова вспоминаю о достижениях и победах моих друзей на поэтическом фронте, думаю, что мои грузинские и армянские друзья радостно переживают то же, что и я. Мы крепко усвоили одну истину: творчество поэта — глашатая дум народных — никогда не исчезает бесследно.

Лучшее подтверждение этой непреложной истины — поэзия и поэтическая слава Саят-Новы.

БАКУ

ЖИЗНЬ, ПОЭЗИЯ, ЛЮБОВЬ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Жизнь слитны, и в этой слитности—вся философия мира. Такая слитность — не исключение, а скорее правило в поэзии. Вспомним, что у Владимира Маяковского Революция, Поэзия и Любовь выступают в неразрывном единстве, и только расходясь с истиной, можно разъединить эти начала в его творчестве. В таком же непоколебимом единстве мы воспринимаем Родину, Поэзию и Любовь у Аветика Исаакяна, Александра Блока, Сергея Есенина. Не потому ли у великих поэтов мы встречаем чаще всего почти полное слияние лирического «я» с их личностью?

Самые пламенные, страстные, полные необыкновенной нежности и грусти страницы свои Саят-Нова посвятил воспеванию возлюбленной и мукам любви. По его мысли, любить без мук, без готовности пожертвовать собой ради любимой нельзя. Любовь неразлучна с душевной раной и песней. Чувство любви бескрайне и непостижимо: перейдешь тридцать мостов — снова перед тобой раскроется зовущая гладь воды. Так говорит Саят-Нова.

В его стихах сама возлюбленная рассматривает себя как «песенный дар» для поэта. Примечательно и то, что в ряде песен Саят-Новы голос женщины звучит свободно и раскованно, с задушевной непосредственностью, иной раз с милым кокетством и шутливостью передавая нюансы чувства, которые, казалось бы, должны быть свойственны более поздним временам. И сам поэт о любви говорит такими словами и в таких интонациях, которые присущи поэтам поздних лет, вплоть до современных. Например: «Зачем, сокровище мое, конец любви пришел в ее начале?» Или: «Милая, отдай мне твои огорченья все»...

Если же обратиться к прошлым образцам, то можно установить много общего в любовной лирике Саят-Новы и в «Книге песен» Петрарки, всю жизнь воспевавшего свою донну Лауру. Есть, однако, между ними и большое несходство. Лирика Саят-Новы, несомненно, менее рассудительна и раздумчива, чем лирика Петрарки, но более страстна, наполнена дыханием жизни!

И в любовной лирике Саят-Новы сказывается демократическая основа его поэзии. Его песни, представляющие целостное художественное исследование любви, вызывают многие размышления и подводят к проблеме становления личности человека того времени и назревания ее кризиса, из которого выход возможен, как мы знаем, уже совсем в другом социальном мире, окончательно избавленном от всех пут, уродующих и сковывающих чувства человека, — в мире коммунистическом. Только та светлая, большая любовь, о которой мечтал Маяковский, вернет человеку душевную стойкость и еще больше развяжет его творческие силы.

Избавление от догм священного писания, христианского аскетизма в свое время расковало, распрямило человеческую личность, привело к ярчайшим взрывам гуманистической творческой энергии. Всеобъемлющее возрождение духовных сил человека, может быть, сильнее всего сказалось тогда в области любовной лирики. В Армении наилучшее выражение этого — поэзия Наапета Кучака (XVI век) с его воинственным антиклерикализмом и бурной чувственностью. «Твои объятия — мой храм, а грудь — прощение грехам», — так обращается Кучак к возлюбленной. И Саят-Нова говорит в одном месте о том, что слова милой ему дороже «Жития святых» в позолоченном переплете. Но не это характерно для него. Его поэзия выражает кризис человеческих чувств, обусловленный уже иными социальными и политическими причинами. Она предвещает канун всеразвивающегося буржуазного меркантилизма и цинизма, канун торжества общественных отношений, все больше определяемых чистоганом, когда чувства и женщины, и мужчины стремительно превращаются в товар. Мы знаем, что чем дальше, тем больше лирика будет то отчаянно сопротивляться этому процессу, то подвергаться его разлагающему влиянию.

Личность человека, избавившись от одних пут, сразу попала в другие, не менее жестокие, — об этом свидетельствует лирика Саят-Новы, и в этом смысле он предвосхитил мотивы, которые потом бурно расцвели в лирике XIX и даже начала XX столетия.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ щедрость, утонченное использование красок и звуков, приподнятый строй стиха, интонационное богатство, переходы от возвышенного к обыденному — характерные особенности его поэзии. Стихотворения Саят-Новы отличаются композиционной цельностью и завершенностью, особой внутренней полифоничностью. Опыт Саят-Новы решительно опровергает ложные представления, иной раз выдвигаемые некоторыми критиками, будто народной поэзии присуща простецкая простота формы, будто изощренность ей чужда.

Неустанными поисками красоты, любви, правды, справедливости наполнено все искусство Саят-Новы. Прорвав мрачную пелену далеких времен, добрый, задушевный голос поэта дошел до нас и ныне услышан всем прогрессивным человечеством. «В мире свой улов ищу», — говорил скромно Саят-Нова, при всей пророческой уверенности в своем призвании и таланте не представляя, насколько весом и значителен его улов. Себя, свою судьбу он как-то сравнил с песней, раной, садом. Сегодня мы с полным правом можем сказать, что взращенное гением Саят-Новы останется навсегда в садах мировой поэзии.

Иван ЛЕ

ВЫСОКИЙ ДАР

САЯТ-НОВА — поэт-ашуг, отдавший свой высокий талант служению трем кавказским народам.

Он был простым ткачом в мастерских тбилисского купца-предпринимателя, поэтом же стал по зову природного таланта. И не хвалился, даже иронизировал по поводу своей поэтической страсти: «Кто в розу, как оса, впился» от работы природной...

Природной работой он называл тяжелый, изнурительный труд ремесленника, от которого его звала к творчеству страсть «впиваться» в розу поэзии, чтобы под звуки кяманчи и чонгури говорить с народом.

Певец-ашуг был не редкостью в странах Востока во времена Саят-Новы. В каждом торговом городе, городском предместье звучали песни ашугов. Они, как зеркало, отражали трудовую жизнь народа, его историю, поэтизируя их и представляя в резком контрасте с жизнью многочисленных князей, владельцев лучших земель, отар и ремесленных мастерских. Среди этой своеобразной «армии» певцов-ашугов выделялись лучшие, более талантливые. Их знали и любили в народе. Но и родовитые владельцы тоже «замечали» талантливых певцов, нередко приближали ко двору в надежде быть прославленными за эту «добродетель».

Саят-Нова, владея многими языками восточных народов, свободно обошел со своими песнями-стихами многие страны, и везде радостно принимали поэта, восторгаясь его дарованием, непревзойденным поэтическим мастерством. Лирический поэт, этот «царь песнопений», сочетал в своем творчестве и ощущение радости бытия, и великую скорбь народную. И разве не стал он сам частицей этой скорби, когда судьба сделала его придворным ашугом, и не намечающийся ли трагический конфликт между двором и поэтом отражал он, когда писал: «сколько б ни твердили мне «Двуличным стань!» — я не хочу».

В придворной обстановке он понял: «Иного наряди в атлас, ничуть не станет он видней». А потом... он был изгнан из дворца... Поэта отлучили от поэзии, оторвали от того, чем была полна душа. И не смертной ли каре на плахе была подобна эта пожизненная кара запрета писать, слагать свои стихи? Не так ли карающая рука самодержца пыталась «отлучить» от поэзии и нашего Шевченко?

«Обет я дал, стал чернецом, — что толку?» — взволнованно вопрошает себя Саят-Нова и не находит другого ответа: «Ты... Саят-Нова, судьбой к стене припертый!»

Ахпатский монастырь — вот жестокая «награда» князей поэту за его волнующую поэтическую лирику... И любовь, признательность — со стороны народа!

КИЕВ

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

1. ЕГО ТВОРЧЕСТВО ИССЛЕДУЮТ УЧЕНЫЕ

В Москве закончилась научная сессия, посвященная 250-летию со дня рождения Саят-Новы. Ее проводили Академия наук СССР, Академия наук Армянской ССР, Академия наук Грузинской ССР, Академия наук Азербайджанской ССР, Союз писателей СССР.

* * *

В Ереванском государственном университете прошла юбилейная научная сессия.

* * *

В Грузии проводится объединенная научная сессия академий наук, университетов и союзов писателей республик Закавказья.

* * *

Большой литературно-художественный вечер, посвященный Саят-Нове, был организован правлением азербайджанского общества «Знание» и Союзом писателей Азербайджана. С докладом выступил член-корреспондент республиканской Академии наук профессор Г. Араслы.

* * *

Музей азербайджанской литературы имени Низами подготовил передвижную выставку о Саят-Нове. Среди экспонатов выставки, переезжающей из района в район, имеются изданные в разное время и на многих языках книги Саят-Новы, иллюстрации к его произведениям, ноты песен, написанных на его стихи.

2. НОВЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ О НЕМ

Большой популярностью у читателей пользуется выдержавшая несколько изданий поэма о Саят-Нове азербайджанского поэта М. Рагима. А недавно в Ереване переведен на русский язык первый том романа З. Даряна «Саят-Нова».

* * *

Всесоюзное радио передавало недавно поэму Г. Сарьяна «Саят-Нова». Она читалась в музыкальном оформлении композитора С. Баласаняна в исполнении квартета имени Комитаса.

* * *

70 работ армянских мастеров народного творчества представлены на выставке в ереванском Доме народного творчества, посвященной Саят-Нове.

* * *

Композиторы А. Арутюнян, Г. Ахинян, Дж. Тер-Тятевосян создали в честь великого поэта оперу, кантату, симфоническую поэму.

3. ИЗДАНИЕ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Издательство художественной литературы выпустило в свет сборник лирических стихов поэта.

* * *

Азербайджанское издательство «Азернешр» подготовило новый однотомник стихов Саят-Новы. Среди них — стихи, с которыми азербайджанский читатель знакомится впервые.

* * *

Грузинские литературные издательства также выпускают сборники стихотворений Саят-Новы. «Сабчота Санартвело» издает монографию о творчестве поэта.

* * *

Впервые на осетинском языке опубликовано в переводе поэта Д. Дарчиева произведение Саят-Новы «Я в жизни падоха не видал». Стихи Саят-Новы напечатаны в переводе на кабардинский — А. Шогенцукова и на балкарский — К. Отарова, М. Мокаева и других.

* * *

По данным Всесоюзной книжной палаты, кроме языков народов СССР, произведения Саят-Новы переведены на английский, французский и немецкий языки. Стихи поэта издавались также в Иране, Египте, Сирии, Турции.

СИНОДИК ЛЖИ ИЛИ СОБРАНИЕ АНЕКДОТОВ?

Александр БОРЩАГОВСКИЙ

НЕ РАЗ в истории человечества близкие по крови люди сталкивались в непримиримой борьбе, исход которой был трагическим. Оказавшись по разные стороны политических, классовых и даже религиозных баррикад, они шли на смерть и разрывали узы крови.

Все это достаточно хорошо известно. Но что бы ты сказал, читатель, найдя в сочинении четырех ученых мужей следующую характеристику Павлика Морозова: «Ребенок должен уважать своего отца и свою мать, говорят коммунисты, но в Москве поставлен памятник одиннадцатилетнему Павлику Морозову, отец которого был казнен после того, как маленький Павлик донес на него, как на укрывателя зерна».

Кто эти люди, лгущие так отвратительно и плоско? Бедняги, изнемогающие от недостатка сведений? Обманутые пропагандой богобоязненные квакеры из далекого захолустья? Отнюдь. У этих людей высокие ученые звания. Они профессора, сотрудники «русских институтов» и исследовательских центров США, «специалисты по России». К их услугам богатейшие библиотеки Колумбийского и Гарвардского университетов. Им ничего не стоит, открыв одну из русских книг, посвященных Павлику Морозову, или хотя бы только Малую Советскую Энциклопедию, узнать правду о нем, выяснить, что Павлику в 1932 году было не одиннадцать, а четырнадцать лет, что он вместе с младшим братом был зверски убит кулачьем, понять, что советский народ свято чтит имя Павлика Морозова, как героя, павшего от руки врага.

Все, что происходило затем, — суд над кулаками и над отцом, — было возмездием за кровавый террор, за детоубийство, и я думаю, что ни в одном уголовном кодексе мира, включая и американский, для такого преступления не нашлось бы смягчающих вину параграфов. Зачем же так откровенно лгут «ученые мужи», лгут уныло, без вдохновения и, я думаю, без настоящей надежды на успех? Зачем они изображают дело таким образом, будто где-то в далекой Москве, на Красной Пресне, стоит памятник одиннадцатилетнему «осведомителю», который, не моргнув глазом, погубил родного отца, а сам, надо полагать, и по сей день живет припеваючи?

Речь идет о книге «Что означает коммунизм?», выпущенной в США издательской компанией «Сильвер Бурдетт компани». Она рекомендована департаментом по делам просвещения Нью-Йорка как пособие для учителей средних школ и как книга для чтения в этих школах, чтобы ученики имели «...правильное представление о коммунистической системе». Как видите, не просто книга, а учебник, нечто претендующее на объективность и научность.

Причина появления этого «учебника» понятна, стоит лишь вспомнить минувшую на редкость «горячую зиму» антикоммунизма в США, множество совещаний на разных уровнях — от департаментов просвещения отдельных штатов до комиссий конгресса, истерические призывы реакционных сенаторов развернуть в невиданных прежде масштабах идеологический крестовый поход, твердое решение дать «философский бой» марксизму и ввести изучение злокозненного коммунизма в программу средней школы. Слова и доллары, вопли и заклинания, стенограммы речей и газетные статьи множились, вздымались горой, и вот, наконец, гора родила... неловко даже писать о том, что родила гора.

Можно ли серьезно спорить с авторами, которые, набрасывая торопливый географический очерк нашей страны, пишут, что «...СССР предстает как плоское пустое блюдце, окаймленное ободком скал», и внушают учителям американских средних школ, что «...зима — в большей степени, чем что-либо другое в отдельности, — доминирует в жизни русских»; что румыны, оказывается, были раньше, при капитализме, самым «...веселым и самым несдержанным народом в Европе», а теперь у них повсюду висит плакат «Осторожно!»; что чехи не могут купить у себя дома добротной шерстяной ткани собственного производства иначе, как за доллары... Разве все это не строки из фельетона на тему о дремучем невежестве?

Желая внушить американцам, что коммунистический Карфаген может пасть и в результате внутренней эволюции, добровольного «отхода от марксизма», они торжественно вещают: «Кремль временами отступал...» В чем же видят авторы этой постыдной книги столь желанное им отступление Кремля? Цитирую последовательно: пункт первый — «Выпускаются даже техасские брюки». Пункт второй — «В московских бассейнах старомодные купальники уступили место открытым купальным костюмам из двух предметов для девушек». Пункт третий — «Молодые люди из Московского университета зовут своих подружек «Джейн», как звалась подружка Тарзана». И, наконец, четвертый — «...студентки подводят брови, делают маникюр и щеголяют модными прическами».

Прости меня, умный, занятый и многоопытный читатель! Прочитав такое, можно только презрительно отвернуться, потерять всякий интерес к авторам этих убогих строк и нищенских «наблюдений». И все же немного терпения, — есть в этом самоновейшем «учебнике антикоммунизма» и нечто такое, что заслуживает более серьезного внимания.

Прежде всего: случилось же что-то *такое в мире*, что заставило заокеанских политиков проявить, наконец, столь значительный интерес к коммунизму и даже включить изучение коммунизма в программу средней школы? Конечно, случилось. Об этом уныло пишут и авторы книги: «В 1917 году, когда большевики свергли законное правительство России, коммунистический контроль ограничивался пределами Петрограда», а «сегодня коммунизм господствует на обширной территории...». Более того, коммунистические идеи, как пишут авторы книги, «...иногда обладают огромной привлекательностью для Запада». Почему бы вы думали? — «...потому, что по своему происхождению они являются западными». Коротко, изящно и вполне бессмысленно! Во вступительном очерке «Почему необходимо изучить коммунизм?», откуда взяты цитируемые фразы, выражены и робкие расчеты авторов на «...постепенные эволюционные тенденции», которые дают основание надеяться «на то, что коммунизм может со временем превратиться в нечто отличное на практике».

Не только мы, коммунисты, но и многие проницательные честные ученые Запада сегодня уже не верят в возможность научного опровержения марксизма-ленинизма.

Марксизму случалось не раз выступать против философских, экономических и религиозных идей, которые в те или иные периоды истории обладали «огромной привлекательностью» для множества людей, казались на поверхностный взгляд могущественными и перспективными. Марксизм воевал против них с подлинно научных позиций, опираясь на статистику, анализ, диалектику. И *побеждал как наука*. Отчего же так беспомощны противники марксизма, почему им изменяют память, логика, элементарная добросовестность? Вероятно, это закономерно.

Читая книгу, я думал и о другом. Все мы — и русские, и американцы — живем в мире поразительных точностей. Мы уже знаем, как послать с Земли космический снаряд, чтобы он облетел Луну и передал на Землю изображение невидимой ее стороны, чтобы, рассекая неисчислимые пространства, он прошел в непосредственной близости от движущейся далекой планеты, мы научились удалять два атома примесей из тысячи миллиардов атомов германия. Почему же четыре гуманитария, четыре высокооплачиваемых специалиста все еще называют **законным** правительство Керенского, именуют «алжирскими мятежниками» героев национально-освободительной войны, хозяев сегодняшнего Алжира, признанного, как известно, и Соединенными Штатами? Почему они позволяют себе в учебнике ссылаться на мифические «воспоминания», якобы характеризующие Ленина как человека, вознамерившегося «задушить» все русское крестьянство? Ведь однажды американскому ученику могут попасть в руки работы самого Ленина от первых его книг о пореформенной русской деревне до записок и писем последних месяцев жизни, когда смертельно больной Ленин проявлял поистине отеческую заботу о деревенской бедноте и о будущности миллионов середняцких хозяйств.

На что рассчитывают авторы такой книги? Только на полное невежество, — никакого другого объяснения я не нахожу. Только расчетом на тотальное невежество можно объяснить длинный рассказ о злосчастном и тоже мифическом «московском мальчике Толе», который окончил среднюю школу и перед поступлением в институт «...поехал провести лето со своими дедушкой и бабушкой в сельскую местность к западу от Москвы, мечтая о купанье и рыбной ловле». И хотя мальчик Толя уехал сам по себе, в не известном никому западном направлении, в безвестной деревеньке его уже ждали мрачные агенты комсомола. «Твое имя значится в списке, который мы получили из Московского комитета», — с этими словами они заставили его каторжно трудиться все лето. «И это был, — как драматически пишут авторы книги, — конец Толиных летних каникул». Подобная дребедень служит эмоциональным и фактическим «основанием» для важнейшего положения о том, как ценой «огромных усилий и лишений» Советскому Союзу удалось достигнуть «впечатляюще быстрых темпов» индустриального роста.

Авторы книги боятся всерьез говорить о коммунизме. Они опасаются спора по существу. Избегают живого противника и создают его карикатурное подобие, извращенный бутафорский макет. В этом есть своя логика: ведь и американский читатель — **западный**, а что как и на него окажут воздействие идеи коммунизма?

И авторы злонамеренно извращают не только **теорию** коммунизма, но и характеристику нашей жизни и внешнеполитические цели СССР. Признавая в главе «Вызов», что США ведут борьбу «за господство над миром», они цинично приписывают такие же цели и нашей стране, и в этой главе, так же как и в предшествующей, под обязывающим заголовком «Действительность», *пытаются внушить* читателю, что внешняя политика СССР — *агрессивна*, рассчитана на деструкцию, «взрывы» и военную экспансию. Дело доходит и до прямых подстрекательств, сквозь хилую «публицистику» звучит раздраженный голос советчиков из ЦРУ. «Сейчас наиболее вероятны массовые прорывы, — пишут авторы о пограничной линии, отделяющей Восточный Берлин от Западного. — Люди могут собраться в группы до нескольких сотен или тысяч человек сразу. Возможно, это будут вооруженные, самостоятельные группы, которые огнем проложат себе путь, заставят врасплох относительно слабую цепочку «грепо» (пограничные полицейские)».

Авторы книги буквально извертелись, пытаясь внушить читателю мысль о своей объективности, об уважении к советскому народу, к его системе образования. Может быть, им и удастся обмануть какую-то часть американской публики (хотя уровень книги столь низок, что можно безошибочно предсказать ей бесславную и скорую кончину), но внимательного, серьезного читателя они не проведут. В нагнетании страха, скрытых угроз, подозрительности и злобной клеветы видят свою конечную задачу авторы книги. Через джинсы и купальные принадлежности девушек, через бедного мальчика Толю и обиженного большевиками «законного» Керенского они уверенно идут к излюбленным провокационным идеям, выдержанным в духе худших образцов «холодной войны».

Книгу «Что означает коммунизм?» вполне мог сочинить бездарный газетный репортер. Но написали ее «ученые мужи», и чтобы читатель не счел себя жертвой мистификации, я приведу — в духе кладбищенской эпитафии — по возможности полные их титулы:

«Здесь, в этой книге, покоятся доброе имя и ученая репутация мистера

Уильяма Миллера

И его достойных сотоварищей:

Генри Робертса, профессора истории, директора Русского института Колумбийского университета,

Маршалла Шульмана — профессора, научного сотрудника русского исследовательского центра при Гарвардском университете и

Гарри Сейвейджа — руководителя департамента социальных проблем средней школы в Мейплвуде (штат Нью-Джерси).

Они не осквернили своих уст правдой и своих рук добрым делом».

В ФРГ и ГДР

По приглашению западногерманских писателей из Москвы в Бонн приехали Георгий Марков, Лев Гинзбург, Владимир Солоухин и Евгений Винокуров.

На обратном пути советские писатели остановятся на несколько дней в Берлине, куда они приглашены Союзом немецких писателей.

Искусство наших друзей

Работы румынских художников

М. Роман. «Бетонщики».

Г. Иванченко. «Мы за мир!»

Рассказ

ТУМАН

Эрскин КОЛДУЭЛЛ

ВОТ уже неделя, как парной летний туман с побережья затопил штат Мэн; нависшие серые полотнища испарений, словно грязный дым, стелились по земле, сглаживая холмы предгорий, а влажные ватные облака окутывали вершины гор и уносили их к северу, к Канаде. Вчера туман поднялся над крышей дома, цепляясь за верхушки вязов; но сегодня, в воскресенье, воздух был таким сырым, что оконные стекла были затянуты сеткой мутных потеков.

Кэтрин пробежала по мокрой траве сада и вошла в дом. Она потихоньку отворила дверь кухни и медленно затворила ее за собой.

Старуха ударила ее тяжелым концом клюки и выругалась.

Девушка отшатнулась и убежала в другой угол кухни.

Сырость проникла и в комнату. Капельки воды повисли на пыльной паутине над печкой, время от времени они срывались и по ножкам стола стекали на пол.

— Пойди набери ягод, — сказала старуха. — Набери ягод! — заорала она. — Слышишь, ты, проклятая, черт бы тебя побрал! Чтоб целое ведерко набрала, не то возьму палку и пришибу на месте!

— Хорошо, — испуганно прошептала Кэтрин, — иду.

— Ну что ж ты стоишь, если не уберешься, я тебе голову прошибу!

Кэтрин взяла со стола ведерко для ягод и выбежала за дверь, прежде чем старуха успела ее ударить. Мокрый туман льнул к ее волосам, и слезы катились по влажному лицу. Ягодное поле было на другой стороне речки, за лугом, где пасли овец. За полем с севера на юг проходила главная дорога штата. Кэтрин собирала намокшие ягоды быстро, как только могла, она знала, что старуха поджидает ее у двери кухни с клюкой наготове, чтобы ударить за то, что она не пришла раньше. Она старалась изо всех сил, но быстрее пальцы уже не двигались.

Неподалеку проносились автомобили, на север — в Канаду и обратно — в штат Мэн. А кругом стоял лес, глухой, темный лес, где зимой в снегу работали лесорубы. Люди, которые работали здесь, были французами из Канады, и она не понимала, что *они говорят*. Сейчас поблизости не было никого. Ближайший поселок лежал в сорока милях к югу, а по лесу бродили только туристы, они проходили мимо и никогда не останавливались здесь. Ей не приходилось выходить на дорогу, но, собирая ягоды, она слышала шум автомобильных моторов, а иногда смех мужчин и женщин. Старуха не позволяла ей даже близко подходить к дороге.

Когда она собирала ягоды, ей показалось, что остановилась машина. Она прислушилась: со стороны дороги доносились голоса и смех, но было слишком далеко, и она не разбирала слов. Она склонилась еще ниже и старалась как можно скорее наполнить ведерко ягодами.

Когда она кончила, был уже полдень, и Кэтрин заторопилась к дому, к старухе.

Сбегая по склону к речке, она опять услышала голоса и смех. А когда добежала до мостика, ниже по течению, у плотины она увидела сквозь туман силуэты людей — пяти или шести мужчин и женщин.

Она перешла мостик и пошла вдоль речки, туда, где были люди. Сначала она подумала, что они ловят рыбу, и, только подойдя ближе, поняла, что они плавают и ныряют в воде. На несколько секунд туман поредел, Кэтрин видела их ясно и совсем близко.

Она смотрела, широко раскрыв глаза, и видела, как мужчина и девушка выбрались из воды и стояли на берегу, готовясь нырнуть снова.

Кэтрин была так поражена тем, что видела, что не могла вымолвить ни слова и даже убежать. Ее сердце сильно билось, и вся она дрожала от волнения.

Пока она стояла там в удивлении, одна из девушек вскарабкалась на берег и побежала по лугу. Потом она повернулась и крикнула:

— Джимми, тебе меня не догнать!

Смеясь, девушка побежала дальше, и туман поглотил ее.

Остальные, громко хохоча, плескались в речке.

Кэтрин стояла на берегу. Никогда в жизни она не видела ничего подобного, и ей не верилось, что мужчины и женщины могут так веселиться вместе. Это было неправдоподобно, но она слышала их разговоры и видела их игры. И все-таки все это казалось ей нереальным. Она никогда не встречалась с молодыми людьми и девушками своего возраста, и поэтому их поведение казалось ей таким странным.

Сердце билось так часто, что она не могла больше стоять на месте. Ей хотелось броситься в воду, оказаться среди них, смеяться вместе с ними. Потом внезапно она почувствовала тяжесть ведерка с ягодами на руке, повернулась и со всех ног побежала к дому, где ее ждала старуха.

Старуха выхватила ведерко из ее рук и стала жадно есть ягоды. Кэтрин ушла в свою комнату и закрыла за собой дверь. Она стояла у кровати, взволнованная, дрожащая, припоминая все, что она видела и слышала на речке. Она перебегала от одного окна к другому, стараясь рассмотреть что-нибудь сквозь плотный туман. Она знала, что, не будь тумана, она увидела бы их. Но за окном ничего не было видно, туман скрыл все.

Пока старуха сидела на кухне, поедая ягоды, Кэтрин тихонько выскользнула из дома и побежала к речке. На бегу она прислушивалась, пытаясь уловить звук их голосов. Ей хотелось быть вместе с ними, броситься с ними рядом на траву. Ей хотелось смеяться, нырять и брызгаться.

Когда она подбежала к ручью, то увидала, что они уже уехали. Забрали одежду, переоделись в машине и теперь были, наверное, уже далеко. Ей нечего было делать здесь. Оставаться одной у реки не хотелось. Ей хотелось быть с кем-нибудь, с юношами и девушками, смеющимися и играющими в воде. Она стояла на берегу и плакала.

Сырой туман пронизывал ее до костей, она дрожала. Слезы холодными каплями падали на руки.

Она медленно пошла вверх по холму, к дому, и все повторяла слова, которые, как ей казалось, она слышала несколько минут назад, когда радостно бежала к реке.

Старуха не заметила ее отсутствия. Она все еще сидела на кухне и ела собранные Кэтрин ягоды.

Кэтрин плакала у себя в комнате. Она бросилась на кровать и зарылась в подушку, чтобы не услышала старуха.

Потом она встала. Она ходила по комнате, останавливалась у окна, стараясь проникнуть взглядом сквозь серую завесу тумана. Но она не видела никого, и никто не видел ее. Все было так же, как утром на лугу, когда смех и брызги воды развеяли туман, но теперь она уже не могла смеяться.

После ужина, когда старуха легла спать, Кэтрин неслышно вышла из дома и побежала через сырую темную ночь к лугу. Когда она подбежала к речке, ничего не было видно, даже травы под ногами. Она ощущала прикосновение мокрых клочьев тумана. Туман, черный сырой туман вокруг. Ей показалось, что она слышит шум автомобиля. Она попробовала засмеяться, но не могла смеяться одна в тумане.

Она побежала через ягодное поле, к дороге, по которой проезжали автомобили. Она вышла на дорогу и ждала. Было уже за полночь. Она ждала, но ни один автомобиль не прошел мимо.

Стоя посредине дороги, она ясно слышала смех, взволновавший ее днем. Она слышала голос девушки: «Джимми, тебе меня не догнать!». И почти сразу же издалека послышался мужской голос. А потом она услыхала вокруг себя говор и смех тех юношей и девушек, что играли днем на лугу. И по звуку их голосов она понимала, что они плещутся в реке и лежат на траве у воды. Но они были слишком далеко, и она знала, что среди темноты и тумана не сможет отыскать их.

Она ждала и прислушивалась, не едет ли по дороге автомобиль. Но кругом было тихо. Она стояла посреди дороги так, чтобы все ее видели.

Первый луч наступившего дня пробился сквозь туман и застал ее лежащей на дороге. Ее безжизненное тело было отброшено автомобилем, промчавшимся здесь, сквозь мрак, час назад. Она лежала без движения и улыбалась, казалось, вот-вот засмеется. Эта улыбка делала ее прекрасной, самой прекрасной девушкой, которую можно увидеть по пути в Канаду.

Перевели с английского
М. ГРИНБЕРГ и Ю. СВАРИЧОВСКИЙ

Новое о Старом
ПОИСКИ ОТКРЫТИЯ

Загадка Б. Т.

Р. БЕЛОУСОВ

Еще недавно на вопрос, кто такой Травен, можно было услышать: всемирно известный «неизвестный» писатель. Книгами Б. Травена — а им создано на немецком языке полтора десятка романов — зачитывались во многих странах. Лучшие его произведения переведены и на русский язык. Последней из вышедших у нас книг был роман «Поход в страну Каоба», изданный четыре года назад Детгизом. Наших читателей в книгах Б. Травена привлекло правдивое изображение жизни тружеников Латинской Америки, и прежде всего Мексики — индейцев, сезонных рабочих, крестьян. Осуждая тиранию, расизм, писатель показывает, как героически «мексиканский пролетарий-индеец сражается за свое освобождение, за то, чтобы пробиться к свету солнца». Не случайно один мексиканский журнал писал, что «ни один мексиканец, ни один иностранец еще не изобразил мексиканскую действительность с такой правдивостью». Должное Б. Травену отдают и в ГДР. Так, например, два года назад Анна Зегерс высоко оценила художественное и революционное значение его книг.

И тем не менее личность автора этих книг, его подлинная биография оставались много лет загадкой. Кто же он? Кто скрывается под этим именем? Усердные литературоведы, дотошные репортеры, частные детективы не раз пытались ответить на эти вопросы. Стремясь раскрыть загадку Травена, расшифровать буквы «Б. Т.» — так иногда подписывался этот человек, — литературный мир создал не одну легенду. У него были двадцать две «достоверные» биографии. Одни утверждали, что под этим псевдонимом скрывается американский моряк, другие заявляли, что Травен — это бывший русский князь, по мнению третьих, он — потомок Гогенцоллернов, осевший в Мексике. Ходили слухи о том, что популярные романы написаны одним из президентов этой страны или целым писательским концерном — дело даже дошло до оглашения имен и публикации фотографий. Наконец, находились фантазеры, которые доказывали, что Травен это не кто иной, как сам Джек Лондон, который только якобы симулировал самоубийство и, спасаясь от кредиторов, скрылся в мексиканских джунглях.

Несколько лет назад в ГДР проблемой Травена занялся лейпцигский литературовед Рольф Рекнагель.

Изучая литературу периода ноябрьской революции 1918 года в Германии, Р. Рекнагель натолкнулся на имя незнакомого журналиста, литературный стиль которого показался ему похожим на стиль Б. Травена. С этого и начался розыск в архивах, опрос многих лиц, сопоставление множества фактов...

Десять лет шел он по следу, десять лет длился упорный, тщательный и вместе с тем увлекательный поиск, о котором он рассказал недавно на страницах еженедельника «Вохенпост».

У писателя Травена было несколько так называемых «генеральных уполномоченных». Они вели все его дела, переписку с издателями. Беррик Торсван, он же и Хол Кровс, считался одним из них. Человек этот уединенно жил в Мехико, появлялся в темных очках и всячески избегал фотографов. Только однажды мексиканскому журналисту удалось тайком сделать с него несколько снимков. Второй подобный случай представился недавно в Гамбурге в октябре 1959 года, куда Б. Торсван приехал на премьеру фильма, снятого по роману Травена.

Одна загадка громоздилась на другую, путала след, сбивала с толку, мешала докопаться до истины. Но именно к этому стремился тот, кто называл себя Б. Травеном. Ему удавалось сохранять свою тайну благодаря множеству хитроумных предосторожностей; он ловко надувал любопытных, пользуясь сложной системой общения с внешним миром, в частности с издателями. У него было более десяти псевдонимов.

Немецкий литературовед, проанализировав множество разноречивых печатных сообщений и свидетельств и отобрав из них достоверные, проследил путь Б. Торсвана в Мексике. И тогда оказалось, что маршрут его скитаний по этой стране странным образом совпадал с описанием мест и событий, встречающихся в книгах Б. Травена. Предположение о том, что «уполномоченный» Б. Торсван и писатель Б. Травен одно и то же лицо, явно имело под собой почву. В пользу этого говорили многие факты. Достаточно сказать, что в удостоверении, выданном Б. Торсвану в 1942 году, он значился как Б. Травен Торсван.

Но оставалось неразгаданным еще одно обстоятельство: писатель, скрывающийся под именем Б. Травена, не был уроженцем Мексики. Он появился здесь лишь в начале двадцатых годов. Как и откуда оказался Б. Травен в Мексике? След писателя вел через океан в Европу...

...Имя немецкого журналиста, стиль которого так напомнил Рекнагелю стиль книг Б. Травена, было Рет Марут. До первой мировой войны он был актером, потом выступал в прессе, печатал новеллы, эссе, статьи. В Мюнхене в течение нескольких лет, с 1917 года, он издает журнал «Цигельбреннер». На его страницах он яростно обличает милитаризм, буржуазную печать, церковь. В одном лице Рет Марут совмещает автора и редактора, сотрудника и издателя, выступая под различными псевдонимами. Свои рассказы Рет Марут анонимно печатает в своем же издательстве «Цигельбреннер ферлаг», которое не было соответствующим образом зарегистрировано. По словам людей, знавших Рет Марута в то время, его всегда окружала некоторая таинственность. Он откровенно предупреждал в своем журнале: «Не трудитесь посещать нас — вы никого никогда не застанете».

Со страниц журнала Рет Марут пламенно приветствует Октябрьскую революцию, он полон надежд, что и в Германии пролетариат возьмет власть в свои руки. С энтузиазмом он встретил образование Баварской советской республики. Рабочие избирают его в комитет по пропаганде. Когда же банды Носке ворвались в Мюнхен и республика пала, Рет Марута, как и многих, арестовали и должны были расстрелять. Ему удалось бежать. С тех пор голос журналиста Рет Марута умолк, — он исчез из Германии.

Шаг за шагом шел исследователь по пути к разгадке. Р. Рекнагель проследил в деталях жизнь Рет Марута в Германии. Постепенно из пестрой мозаики отрывочных биографических данных возникал портрет человека, жизненный путь писателя. Но это не все. Литературовед провел сравнительный анализ произведений Рет Марута и Б. Травена, обнаружил много общего в стиле и еще — давнюю любовь к Мексике у первого и косвенные данные о жизни в Германии — в книгах второго. Наконец, он сличил и опубликовал фотографии Рет Марута и Б. Торсвана. И мы можем убедиться, что перед нами снимки одного и того же человека, называвшего себя разными именами: Рет Марут, Б. Торсван, Б. Травен. Этот человек считал, что биография творческой личности не имеет никакого значения, если автора нельзя узнать по его книгам. «У писателя, — говорил Б. Травен, — не должно быть иной биографии, кроме его произведений». В Мексике, ставшей его второй родиной, Б. Травен затерялся в девственных лесах Чьяпас, жил среди лакандонов — индейского племени, которое, спасаясь от полного истребления, укрылось в джунглях, был сборщиком хлопка и золотоискателем, работал на нефтепромыслах и на лесоразработках в монтериях, был погонщиком скота в горах Сьерра-Мадре, совершал походы в глубь страны с научными экспедициями. И всюду он изучал народ, его историю, наблюдал жизнь, о которой потом рассказывал в своих книгах.

Так было установлено тождество немецкого публициста Рет Марута и автора многих книг Б. Травена, которого мексиканский народ считает своим национальным писателем.

Справочники опровергнуты...

Где и когда впервые во французской печати появилось имя Эмиля Золя? Знатоки творчества великого писателя и литературные справочники дадут вам на этот вопрос незамедлительный ответ: первый сборник новелл Золя «Сказки Нонон» был опубликован в Париже в 1864 году. До последнего времени вряд ли кто-нибудь решился бы оспаривать эту истину. Однако совсем недавно было установлено, что право называть себя первыми читателями Золя принадлежит не парижанам, а жителям города Лилля, и не на обложке книги, а на газетной странице это имя впервые заявило о себе.

20 декабря 1863 года, развернув лиллсиую газету «Журналь пюплер де Лилль», читатели на месте обычно безымянной литературной хроники нашли рецензию на вышедшее в Париже издание «Дон-Кихота» с иллюстрациями Гюстава Доре. Рецензент восторженно писал о работе художника. В конце рецензии подпись — Эмиль Золя и в скобках — «продолжение завтра». «Когда критик берется рассказывать о подобном произведении, то главное его затруднение, если он не лишен совести, — в том, как сказать все. Я постараюсь сказать все, что смогу», — читаем мы в этой заметке. Думалось ли двадцатитрехлетнему Золя, что когда-нибудь эти слова с еще большим основанием обязан будет произнести каждый, кто возьмет на себя труд анализировать поистине необъятное литературное наследство, оставленное Э. Золя?

О первом опыте Э. Золя-критика сообщил недавно внук издателя «Журналь пюплер де Лилль» Клод Белланже. Опубликовав это сообщение, еженедельник «Фигаро-литерер» снабдил его фотографией-копией, воспроизводящей имя Золя на странице лиллской газеты.

Правления Союза писателей РСФСР и тувинской писательской организации с глубоким прискорбием извещают о смерти писателя, заслуженного деятеля литературы и искусства Тувинской АССР, профессора

ПАЛЬМБАХА
Александра Адольфовича,

последовавшей 22 октября после тяжелой болезни, и выражают соболезнование семье покойного.

Редакция журнала «Иностранная литература» с глубоким прискорбием извещает о безвременной смерти сотрудника редакции старейшего журналиста

ПОНЕВЕЖСКОГО
Аркадия Сергеевича,

последовавшей 25 октября с. г. после тяжелой болезни, и выражает соболезнование семье покойного.

Гражданская панихида состоится в зале прощания Института имени Склифосовского (вход с переулка Грохольского) в воскресенье, 27 октября в 11 час. Кремация в 12 час. 30 мин.

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: Ю. БАРАБАШ (зам. главного редактора), Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ЛИТВИНОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, О. ПРУДКОВ, Г. РАДОВ, Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, С. РОСТОЦКИЙ, Я. СМЕЛЯКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ, А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-99-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — В 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68, Коммутатор — К 5-00-00.

ИНДЕКС 50067

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—05160